

16+

Павел Вособа

Побег от посредственности

Павел Вособа

Побег от посредственности

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вособа П.

Побег от посредственности / П. Вособа — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

«Побег от посредственности» является продолжением успешного бестселлера «Идеальная жизнь». Ричард Дракин уже давно перестал быть заскучавшим молодым человеком, послушным «продуктом» общества, чья жизнь управляется извне – политиками, менеджерами, учеными и прочими «проповедниками». Благодаря судьбоносной встрече с проводником и наставником Джоном он знает, что он сам хозяин своей жизни. Он отправляется в новый путь познания, на этот раз его сопровождает Виктория, которая покажет ему путь к духовной стороне его личности.

Содержание

ЖАЖДА ИМЕТЬ ВЛАСТЬ	9
САЛОМЕЯ И ИРОД	11
ТАЙНА ОТНОШЕНИЙ ВИКТОРИИ И ДЖОНА	18
ЖАЖДА ВОЗМЕЗДИЯ	32
ВИКТОРИЯ И РИЧАРД В ЯФФЕ	34
НАТАЛЬЯ, РИЧАРД И ВИКТОРИЯ НА ПЛЯЖЕ	42
ЖАЖДА МОРАЛИ	48
ВИКТОРИЯ, РИЧАРД И МОРАЛЬ	49
ВИКТОРИЯ, РИЧАРД И ИНСТИТУТ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ПОБЕГ ОТ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

*Кто ищет свой путь, не имеет права бояться
отказаться от догм какого угодно авторитета.*

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его последней книге
Что было до этого

ЖАЖДА ИМЕТЬ ВЛАСТЬ

Саломея и Ирод
Тайна отношений Виктории и Джона
Ричард и женская душа

ЖАЖДА ВОЗМЕЗДИЯ

Виктория и Ричард в Яффе
Наталья, Ричард и Виктория на пляже

ЖАЖДА МОРАЛИ

Виктория, Ричард и мораль
Виктория, Ричард и институт
Ричард и Сократ

ЖАЖДА СМЕРТИ

Елена рассказывает Ричарду о смерти
Ричард и Елена приплыли в Древнюю Александрию
Виктория и Давид в Ереване

ЖАЖДА ПОЗНАНИЯ

Ричард и Елена в Александрийской библиотеке
Ричард и Гипатия
Виктория и Верьин
Елена и Кисса в библиотеке

ЖАЖДА СОТВОРИТЬ САМОГО СЕБЯ

Ричард и Месроп
София и Ричард
Виктория, Джон и Давид

ЖАЖДА ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С САМИМ СОБОЙ

Джон, София и Катерина в Ереване
Давид и дочь Джейн
Елена и Джон в Ереване

ЖАЖДА ПРЕОДОЛЕТЬ САМОГО СЕБЯ

Виктория и Джон по дороге в Татев

Повторная встреча Джона и Ричарда

Тайна Аскхен

Признание Виктории

Кхар и легенды

Катарсис Ричарда

Подготовка книги *«Побег от посредственности»*

Послесловие – что дальше

Поиск Святого Грааля

P. S. Интервью Павла Вособы интернет-порталу Idnes.cz

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ

Павел Вособа закончил Московский институт управления, после чего преподавал на строительном факультете в Чешском техническом университете в Праге. Затем он стал одним из основателей консультационной компании M.C. Triton.

Сегодня Павел совместно с деканом Михаэлем Валашеком читает лекции на тему «Карьера в инженерии» в Чешском техническом университете в Праге.

«Я не чувствую себя ни писателем, ни философом. Что, однако, ни в коем случае не мешает мне писать и размышлять о себе и других».

Сначала Павел писал специализированные книги, которые постепенно превратились в весело-специализированные и в конце концов стали напоминать романы. Именно такой была и предпоследняя книга «Идеальная жизнь», в которой повествование и истории героев переплетаются с элементами консалтинга и наставничества.

«Я обычный преподаватель, у которого хватает дерзости обучать тому, чему никогда не учился».

Книга «Побег от посредственности» – настоящий роман, написанный своеобразным экономным языком, с минимизацией слов и непрерывными диалогами, с резкими поворотами увлекательного сюжета, как будто автор писал захватывающий детектив. Книга не позволит читателю выдохнуть, судьбы главных героев постоянно развиваются, проникают во время и воспоминания, иногда даже может показаться, что персонажей намного больше, чем на самом деле. Многообразие и красочность историй, пластичность отдельных героев обнаруживают в авторе жажду глубокого познания и понимания себя и других.

ЧТО БЫЛО ДО ЭТОГО

Краткое содержание первой книги «Идеальная жизнь»

Ричард Дракин, слегка заскучавший молодой человек, осознал, что ему чего-то в жизни не хватает. Случайно он прочитал новость о не самом славном уходе со своего поста видного генерального директора. Ему пришлось в голову обратиться к этому человеку, чтобы получить от него инструкцию, как быть по-настоящему успешным в сегодняшнем мире. К его изумлению, Джон Рок согласился на встречу. Было заключено соглашение, согласно которому Джон обязался провести Ричарда через места и события, которые навсегда повлияют на его жизнь. Вначале Ричард не осознавал, что речь идет о судьбоносной встрече двух людей: маэстро и ученика, которые долгое время ждали друг друга.

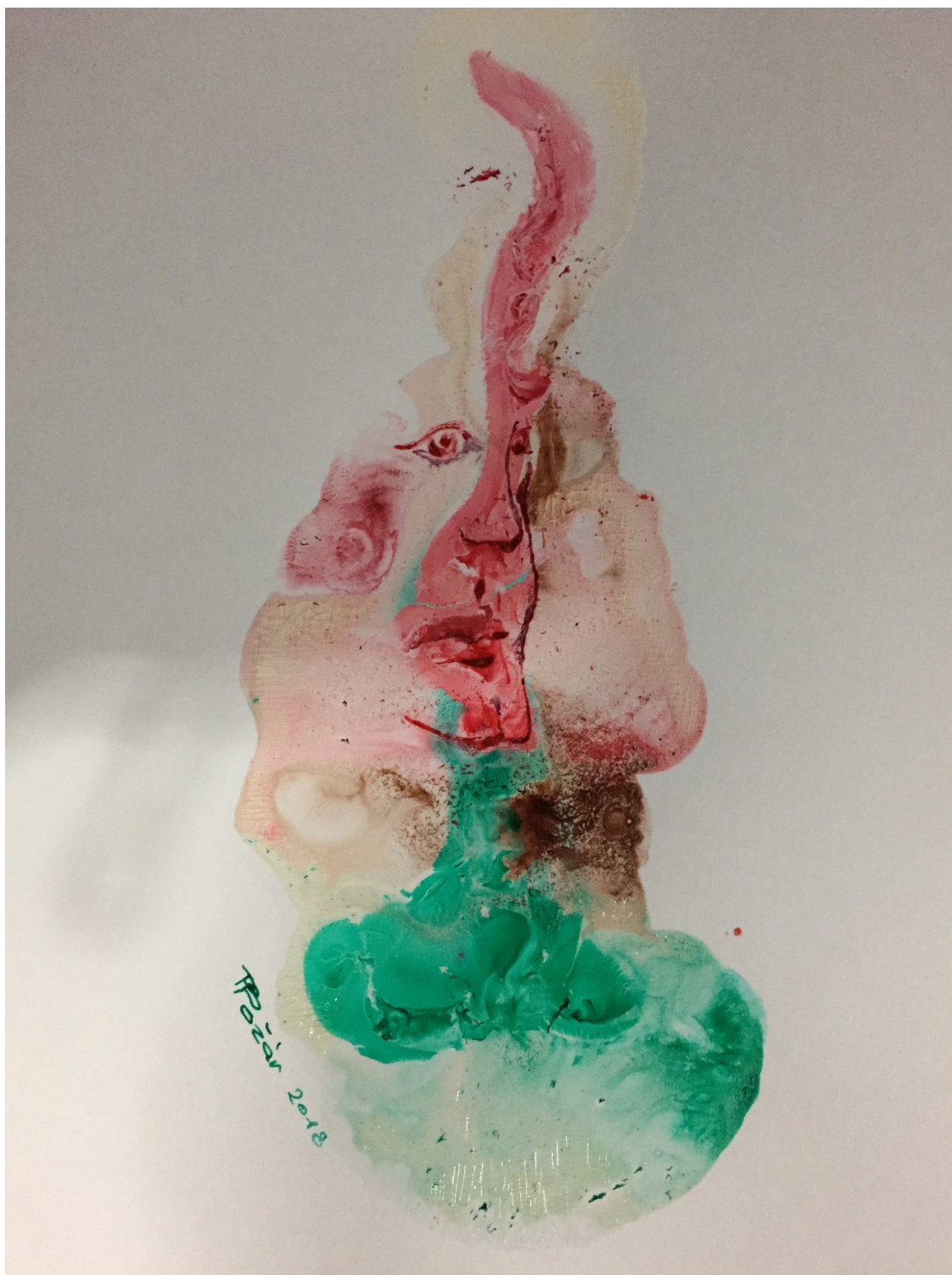
Сумасшедшее, кажущееся неподготовленным путешествие вокруг света, дикие ситуации, тайны и мистификации открыли Ричарду новый мир. В течение короткого периода времени он посетил Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сидней, Тянь-Шань, Москву, Санкт-Петербург и в конце концов оказался в Иерусалиме.

По ходу путешествия Джон постепенно осознал, что Ричард взрослеет намного быстрее, и рано или поздно ему перестанет хватать Джона в качестве учителя. Поэтому Джон пригласил к сотрудничеству Викторину, женщину с необычными способностями. Джон, однако, не признался Ричарду, насколько велика и таинственна связь между ним и этой женщиной. Виктория принялась за воспитание с намного большей решимостью, она не побоится открыть Ричарду темные стороны человеческой души.

ЖАЖДА ИМЕТЬ ВЛАСТЬ

Кто они, хорошие правители?

*Те, кто находят волю взять судьбу и решения
в собственные руки, жаждут стать могущественными,
не нуждаясь в силе и богатстве, хотят быть уважаемыми,
не вызывая страх и являются свободными,
не ограничивая свободу других.*

САЛОМЕЯ И ИРОД

Чувство собственной беспомощности ведет к жажде иметь власть. (Моника Папян)

Ричард наблюдал за Джоном до последней минуты, пока тот совсем не скрылся в иерусалимских улочках. Его одолела странная тоска. Он присел на маленькую скамейку рядом с Викторией, мир замедлился, его руки и ноги отяжелели, утратили силу, только сердце стучало: бум-бум-бум. *Первая встреча с Джоном, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сидней, Иссык-Куль, Санкт-Петербург... В каждый момент, в каждой ситуации он оберегал меня, подстраивал собственную жизнь, смирялся, прислушивался. Насколько близки мы стали друг другу за такой короткий период времени? Не было ли это движение односторонним? Он отдавал, я – наслаждался удовольствиями и приключениями.*

Его поглощала эмоциональная пустота, его душа, рыжая проказница, отказывалась смириться с тем, что он, возможно, больше не увидит Джона. Он взглянул на Викторию.

– Вы забыли расплатиться с Джоном? – спросила Виктория с легким сарказмом.

Ричард прищурил глаза. *В тот раз в ответ на мой вопрос, сколько это будет стоить, Джон усмехнулся: «НИЧТО... в материальном смысле». Откуда-то у него выпал странный пористый камушек, он этого не заметил, я его поднял и протянул ему. Джон трясущимися руками аккуратно взял его и спросил, верю ли я в приметы.*

– Камушек имеет для Джона невероятную ценность... – «Однако он об этом пока не догадывается», – пронеслось в голове у Виктории. – Общество – это что-то, похожее на карусель счастья. С детской наивностью мы садимся на нее, сначала нам нравится, нам придает силы эйфория от быстрой езды, мы проваливаемся в иллюзию вечности, голова кружится, и мы теряем сами себя. Вращение ускоряется, радость улетучивается, сойти нельзя, карусель вращается и вращается. Нас тошнит, мы кричим: «Остановите!» – но карусели неведомо милосердие, она выкинет нас тогда, когда нам уже нечего предложить, нечем заплатить... – Голос Виктории сорвался, глаза увлажнились. Затем она уже зло, почти зверино зашипела: – И за все мы расплачиваемся, только долго не имеем понятия чем.

Сначала Ричард не понял. *Неужели весь путь с Джоном был всего лишь каруселью? Он устроился поудобнее, сосредоточился и очутился внутри потемневших красок. Они близко, он прикоснулся к ним, почувствовал тягучую боль. Это эмоции Виктории! Изумленный, он открыл глаза.*

– Джон и я делали карьеру, с виду вполне привлекательную, мы стали успешными, уважаемыми, нечеловечески продуктивными, но утратили способность радоваться, переживать, нас гнали цели, успех в обществе и беспощадное, вызывающее стресс время. Наш путь исчез, и мы отправились по следам посредственностей.

– Вам стыдно?

– Я ищу прощения и свое будущее.

– Являюсь ли я частью вашего будущего? – спросил Ричард.

– Вы являетесь частью обоих. – Глаза Виктории на минуту утратили свой огонь, чтобы затем ударить снова. – Вас еще только ожидает оплата долга.

– Но я по-прежнему не знаю, чем заплатить.

– Когда «оно» случится, вы сами поймете.

В глазах Ричарда появился блеск подозрения и недоверия. *«Когда “оно” случится. Но что именно».*

– Вы хотите идти дальше?

– Не зря ли спрашиваете? – заметил иронично Ричард.

Виктория кивнула, посмотрела в направлении Храмовой горы и поднялась. «Тогда пришло время идти».

И они направились по ступеням, предназначенным только для мусульман, к Куполу Скалы, главной святыне ислама. «Вам туда нельзя!» – закричал им в ужасе владелец чайной.

Ричард еще успел обернуться, улочка и арка исчезли, появились закатное арабское солнце и позолоченный храм.

Всем телом он почувствовал сильный зуд. Это все грубая шерстяная ткань белой царской тоги. Он тяжело поднимался по ступеням, пока перед ним не появилось ошеломляющее зелено-белое строение – третий и самый большой еврейский храм, покрытый массивными золотыми плитами, которые излучают на заре огненно-желтое сияние. Он невероятно горд своим грандиозным творением. Оно помогает ему забыть боли, внутреннюю пустоту, грусть и отчаяние. Напоминает ему о его неограниченном деспотизме, решениях о жизни и смерти других, моментах, в которых он чувствовал себя Богом, избранным и бессмертным.

Он остановился и отдышался. В последнее время каждый продолжительный путь изматывал его. Неудивительно, ему 69 лет, и больше 35 лет он правит Иудеей.

– Ирод, тебе нужны носилки? – спросила с неискренней заботой его сестра Саломея.

– Нет, – из последних сил зло отрезал он. «Ненавижу свою слабость, зависимость, а больше всего – неискреннюю заботу сестры, которая правит за моей спиной и решает вместо меня. Это она доносила, клеветала и плела интриги. Саломея заставила меня казнить мою жену Мариамну и двух сыновей, Аристокбула и Александра. Она мстила каждому, кто напоминал ей о ее низком происхождении, а сейчас она ждет, пока я содохну!» Он подавил темные мысли, выпрямился, сделал пару шагов и покачнулся. Его мгновенно поймали белоснежные руки девушек, которые всегда следовали за ним на небольшом расстоянии.

Это развеселило Саломею, и она приказала властно: – Положите его на носилки, царю сегодня нехорошо. Когда испуганные помощницы уложили Ирода на носилки, покрытые верблюжьей шерстью, сестра наклонилась к нему и прошептала: – Береги силы, брат, тебя ждет долгий и тяжелый путь.

– Всем телом чувствую твою взволнованность, когда я умру, мои дети обязательно оценят твою преданность, – не удержался он от язвительного ответа.

– Твоих детей я не боюсь, они не смогут быть жестокими и мстительными, они из царского рода, они не испытывали унижений и презрения богатых Хасмонеев, как мы с тобой. Им не за что отплачивать, их не подгоняет бесконечная ненависть. Ирод – он такой один, и никто из твоих потомков не сравнится с твоим величием. Возможно, у кого-то из твоих детей, которых ты со страху приказал убить, оно могло быть, но мы уже этого не узнаем.

Саломея любовно погладила остатки его седоватых волос и зашептала ему в ухо: – Передай власть мне, и я сделаю так, что тебя до смерти люди будут почитать как Бога.

– Сознательная ненависть страшна, неужели не можешь простить?

– Это не ненависть, брат мой, а обычная женская страсть во всей своей наготе. Жажда покорить мужской мир, проникнуть в него, завладеть мужчиной любым путем, разобрать на тысячи способов снова и снова. Ваш мир намного привлекательнее, и Бог доброжелательнее к вам, чем к нам. Когда придет время, мы украдем ваши мечты о власти, славе и богатстве. От вас останутся руины, всего лишь носители «чего-то», что открывает дорогу к жизни.

– Женщины созданы для любви, искусства, они должны вдохновлять, рожать и воспитывать детей, а не убивать и уничтожать. Откуда в таком красивом теле взялась такая злость?

– Когда ты был молод, я любила тебя, но, как сестре, мне это было непозволительно. Когда у тебя была власть, я любила и ненавидела тебя одновременно. Если бы наш закон разрешил, я бы отдалась тебе как твоя лучшая потаскуха. Как я им завидовала! Сейчас ты – куча старого испорченного мяса. Я наслаждаюсь твоей старческой убогостью, и моя нена-

висть наконец-то насытилась. Время, проведенное с тобой, помогает мне забыть чувство неполноценности.

– Ты – сестра царя!

– Брат, ты умен, и определенно твои слова несерьезны. Ты сам знаешь, что положение, почет и авторитет, накопление богатств и имущества ведут лишь к большему одиночеству и неуверенности. Ты повторяешь то, что и все вокруг тебя, возможно, тебе улыбнулась большая удача, но ты ничем не отличаешься от толпы. **Настоящую гордость и уверенность найдешь только в самом себе**, однако ни я, ни ты – мы этого не умеем. Поэтому мы оба убиваем, копим, плетем интриги. Мы боимся предстать сами перед собой.

– Ты как ночь и день.

– Ирод, отпусти остатки своего эго и найди наконец сам себя! Найди силы к осознанной смерти, которая является единственным, что не может взять и сделать кто-то другой. Тебе уже незачем быть здесь, на земле. Возьми себя в руки и прими мучения, которые ожидают твою душу после смерти, это огромное НИЧТО, которого ты так страшно боишься.

Слабость начала одолевать его тело, но это была не физическая боль, а сжимающая, пугающая пустота. Сколько раз он напрасно подавлял чувство конечности своего бытия, старался забыться в водовороте событий, развлечений и битв за власть... Его охватила дрожь, зубы застучали, их невозможно остановить, мышцы отказались повиноваться.

– Омойте своего царя от нечистот и согревайте собственными телами, пока ему не станет легче. Когда он умрет, вы окажетесь в могиле вместе с ним! – с отвращением приказала Саломея.

Полночь, лихорадка отступила, пришел сон, а с ним и сновидение. Маленький мальчик сидел на краю пустыни, играл с теплыми камушками и следил за стадом верблюдов, как они толпились у заболоченного водопоя.

– Пейте медленно, насладитесь каждым глотком, ибо чем больше воды выпьете, тем больше и чаще вам она будет нужна, – наставлял остальных сгорбленный верблюд, стоящий поодаль.

– Глупец! Ты старый, у тебя нет сил прорваться к воде, и ты боишься, что тебе не останется, – поднял голову молодой самец, и вода со слюнями потекла по его морде. – Ты всю жизнь нас заставляешь служить существу, которое само без воды не выдержит и недели, а нам хочешь давать советы! Мы умеем и сами собой управлять, нам не нужен никакой господин.

Животные с любопытством подняли головы. Маленькие верблюжата, послушно ожидавшие очереди, забежали прямо в середину водопоя.

– Стаду всегда необходим вождь, кто-то, кто за него все решит, позаботится о нем. Сможешь ли ты всегда обеспечить нам достаток пищи и воды, решить наши мелкие ежедневные споры, защитишь нас, когда на нас нападут? Ты сможешь для спасения стада наказывать и убивать? Если нет, ты всего лишь балабол, который хочет покрасоваться.

Молодой самец отбежал от водопоя и зло набросился на старого верблюда. Повалил на землю и принялся наносить ему кровавые удары передними копытами. С его морды во все стороны разлетались большие хлопья блаженных слюней. Как же долго он ждал этого мгновенья.

Остальные животные безмолвно наблюдали. Мальчишка вскочил, протараторил несколько сильных приказов и принялся колотить молодого верблюда руками по чему попало. Прошло несколько секунд, стадо успокоилось и продолжило водопой. Лишь старый «вождь» лежал неподалеку, от смерти его отделяло несколько минут.

Мальчик встал на колени и обнял его.

– Не жалею меня, нет ничего лучше, чем когда старый вождь уходит побежденным новым в прямом бою. Стаду нужен вожак, пока его члены не умеют быть свободными.

Моя душа будет сопровождать их на всем пути и тем самым обеспечит себе новое продолжение. Мой отпечаток навсегда останется сохранен.

Ирод проснулся и неловко оттолкнул голые женские тела. На несколько секунд им овладела жажда, он погладил душистое женское лоно, его почерневший от гангрены член слегка встопорчился. Нет, сейчас не время. Неужели Саломея убьет моих сыновей и возьмет власть в свои руки? Я не смогу удержать царство? Моя династия должна продолжаться, строить новые здания и поклоняться мне, «основателю». Сестра умна, коварна, но она не сможет править. Почему я думаю об этом, когда смерть в дверях, за которыми только большое НИЧТО? Куда делась моя убежденность в моем бессмертии? Не является ли вся жизнь всего лишь умиранием? И что с моей душой – есть ли у меня вообще какая-то душа? Имеет ли все это какой-то смысл?!

Безумные вопросы воодушевили его и придали сил. Он с трудом поднялся и, преодолевая боль, отправился в свою обширную библиотеку. Остановился напротив стены с нишами, в которых были уложены папирусные свитки. Коснулся первого, второго, третьего... десятого, быстро просмотрел их и сбросил на пол. Наконец он нашел, что искал: Фалес Милетский.

«... Человеческая душа бессмертна, она существует сама по себе, некоторые души способны соединяться, разделяться и воплощаться и в неодушевленных вещах. Глубокой концентрацией мы сможем воспринимать не только свою душу, но и души других, отдельные индивидуумы могут в момент смерти предсказать будущее место своей души. Даже если душа провалится до как угодно глубокой темноты, всегда существует дорога назад, пока она сохраняет хоть и неочевидную надежду, что где-то наверху есть “свет”, который сможет вывести ее обратно».

Ирод кисло усмехнулся. «Что общего у старого верблюда с Фалесом?» – пришло ему в голову. Он вышел на террасу. Было полнолуние, силуэты домов придавали Иерусалиму таинственный роковой вид. Откуда-то изнутри он услышал голос:

– Ирод, приведи свои дела в порядок и отправляйся в Иерихон. – Его передернуло.

– Ты тот, о ком я думаю?

– Вероятно.

– Меня ожидает наказание божье. Меня одолевает тоска от небытия!

– Бог не наказывает, лишь наблюдает.

– Ты лжешь! Я был жесток, я убивал от страха и трусости.

*– Нет. **Чувство незначительности довело тебя до тирании и высокомерия, которое одним взмахом руки убивало, а другим великодушно даровало пощаду.** Только в такие моменты ты чувствовал собственную важность. Господство над жизнью и смертью других дает минутное облегчение и даже эйфорию. Только потом, и тем сильнее, обнаружится тоска и пустота. Ты хотел быть бессмертным, а стал тираном.*

– Без этого я не смог бы править больше тридцати пяти лет. Я сохранил независимость от Рима, поднял Иудею, воздвиг Иерусалим, построил сооружения, о которых говорят, обеспечил процветание евреев. Я, несмотря на то, что сам не еврей, сделал для народа больше, чем кто-либо другой!

– А делал ты это лишь для того, чтобы тебя боялись и уважали. Для самого себя ты сделал чуть-чуть. Ирод, ты один, у тебя никого нет, точно как ты и хотел: лучше, чтобы ненавидели, чем жалели.

Одиночество – та ужасная вещь, которая постоянно порождала в нем тоску. Он не хотел рождаться, знал, что его ждет. Он, недоношенный, боролся за жизнь, с насмешками остальных, выдернутый из рода идумеев, насильно принужденный принять иудейскую веру. Он так сильно мечтал о силе, которая бы дала ему преклонение остальных. За нее он был согласен совершить что угодно. Всеобщее признание стало для него ловушкой. Он стал вели-

чайшим среди посредственных, ибо лишь таким необходимы сила, богатство, благополучие, чтобы остальные боялись и завидовали.

– Эй, ты слышишь меня? Я убью себя, ничего не имеет смысла.

– Наконец-то сделаешь что-то по собственной воле! Твоя жизнь растворилась в существовании посредственных, а теперь наконец ты осознанно смотришь на собственную жизнь, ищешь смысл в смерти, но смерть – это не конец.

– Я не верю тебе, смертью все заканчивается!

– Твоя душа знает, что после смерти сводятся счеты, чего стоит сила и власть. Чувство собственного величия не позволило тебе стать ближе к вере.

– А что такое Бог? Всего лишь три буквы!

– Бог находится в твоей душе. Мучения души, кстати, намного серьезнее мучений тела. Ведь речь идет об уравнивании собственных решений и свободной воле, которую предоставила тебе душа. Тебе осталось несколько дней, сделай что-нибудь для себя, что-то светлое, что будет для тебя в вечной темноте хоть малым огоньком, пока снова не придет твое время.

– Почему я не могу жить вечно?! – не сдержался Ирод и закричал на весь храм.

– Что такое вечность – одно большое НИЧТО, – тихо ответил кто-то.

Он несколько раз тяжело вздохнул и спросил: «Кто ты на самом деле?»

– Брат мой, ты говоришь сам с собой или же тебя настигли упрёки совести? – Саломея поднялась по ступенькам на террасу к Ироду.

– Ждешь, чтобы не пропустить тот самый момент, или только прислушиваешься, чтобы я в последнюю минуту тебе ничего не сделал?

– Я пришла сказать тебе, что уже все готово для твоего путешествия в Иерихон.

– Саломея, – сказал Ирод непривычно мягким голосом, – дай мне еще несколько дней, а потом сделай, что необходимо.

Саломея незаметно улыбнулась и жестом подозвала носилки.

– Брат мой, с удовольствием стану исполнителем твоих светлых желаний, если ты этого хочешь.

«Может быть, однажды ты искупишь грехи за нас обоих», – подумал про себя Ирод и сам удивился необычному желанию.

Иерихон – его самое любимое место, оазис, окруженный пустыней. В пустыне его корни. Даже после стольких лет он не утратил способности ориентироваться, прожить без воды, выдержать сорокоградусную жару и холод ночи. Да, пустыня! Там он найдет маленький огонек для своей души, пока снова не придет его время, – так сказал Бог.

– Остановитесь, – приказал Ирод, и маленький караван остановился. – Оставьте меня здесь одного до восхода солнца.

Луна, все еще в полнолунии, медленно спускалась за горизонт. Холодная ночь пошла ему на пользу. Повеяло ароматом песка и засохшей травы. Он закрыл глаза.

На ней была женская одежда, у нее были рыжие волосы, незаметные груди, тонкие пальцы... Она шла сквозь строй фанатиков, люди плевали в нее, время от времени кто-то бил ее по лицу или спине. Физической боли она не ощущала, душа ее, однако, была напугана, полна безнадежности, будто она потеряла все человеческое, земное.

Из толпы выбежала женщина в годах, содрала ногтями кожу с ее тела и прокричала: «Позор!» Умоляющими глазами, полными слез, она взглянула на свою мать и ее окровавленные руки. Она шагала дальше, ее друзья стыдливо поворачивались спинами, угасали последние надежды.

Злость, боль и страх смешались воедино, пришло одиночество, затем равнодушие. Однако когда зашагала дальше, усилилось гордое осознание ее исключительности. Толпа для нее стала всего лишь инструментом силы, манипулирования общественной болтовней, скрывающейся в своей безымянности и безответственности. Те, кто в нее плевали, – трусы, преданные исполнители власти и пропаганды, испытывающие сладостные чувства от мастурбации своей ничтожности. Их поступки не являются героическими, ибо они не несут за них никакой личной ответственности.

Внезапно она очутилась одна на целом свете, чувствовала себя Богом, который сотворил мир, где не существует никаких отказов и последнего суда, она была горда, что смертью подтверждается ее исключительность, и грустна, что осознает это так поздно.

Из последних сил она выпрямилась и гордо сделала несколько шагов на эшафот. Пока палач не отрубил ей голову, она успела подарить всем свою улыбку.

Ирод проснулся и вздохнул: «Мариамна...» Его горло сжалось. Аристокл, брат Мариамны, Гиркан, ее дед, сыновья Аристокл, Александр, всех их он в своем нездоровом недоверии убил.

С собственным признанием перед самим собой с него внезапно спали самые тяжелые оковы, как будто его каменное сердце снова забило, и его душа опять набрала воздух. Он осмотрелся и громко спросил: «Что я должен сделать?»

Это твой мир, твоя душа, ты сам себя наказываешь. Собственную душу невозможно обмануть, она справедлива. Тебе остаются последние несколько дней, посвяти их наконец сам себе – откройся!

Ирод медленно ослабил свои сжатые руки, зарытые в песок. Что-то маленькое застряло в его левой ладони. Он открыл ее, песок проскальзывал между пальцев, на ладони осталась маленькая уродливая пористая галька, и ему казалось, что из нее исходил какой-то свет. Сделай что-то для себя, что-то светлое, что будет для тебя в вечной темноте хоть малым огоньком, пока снова не придет твое время. Он крепко сжал ее. Его последние мысли были о Саломее.

Пустыня и боль исчезли. Истощенный Ричард лежал под высоким кустом, руки были сжаты в песке. Воздух холодный, и, казалось, рассветало. Он тяжело сел, его тронули уродство и гениальность Ирода. В конце концов он набрался сил, вздохнул и осмотрелся.

Неподалеку сидела Виктория и наблюдала за восходом солнца. Купол Скалы показывался во всей своей красе.

«Виктория, почему вы ко мне так суровы, – подумал про себя Ричард. – Я никогда не испытывал такое ужасающее зло и беспомощность».

– У вас получилось? – изможденным голосом, полным странной надежды, спросила его Виктория.

– Нет, это было выше моих сил, – сконфуженно ответил Ричард.

– Удостоверьтесь! Откройте ладонь!

Ричард только сейчас заметил свой сжатый кулак. Он медленно открыл его, показался маленький пористый камушек, последние крупинки песка протекли между пальцев и упали на землю.

Виктория облегченно вздохнула.

– Самое позднее сегодня ночью мы должны быть в Иерихоне.

– А что там?

– Найти гроб Ирода.

Сначала Ричарда потрясла мысль, что он должен снова стать кем-то настолько жестоким к себе и остальным. Однако к ней присоединилась и другая – одержимость править, решать

судьбы других людей, оказывать влияние на этот мир, приспособить его к своим нуждам. Его пробрал холод. Кто, собственно, ОН? Он быстро подавил свою жажду, поднялся и последовал за Викторией.

ТАЙНА ОТНОШЕНИЙ ВИКТОРИИ И ДЖОНА

Как не хватит лишь источника воды, необходимо из него пить, так и не хватит читать романы, необходимо их проживать. (Милан Маховец)

Три часа утра, Ричард и Виктория взошли на самую высокую точку Иерихона. Ирод построил на краю пустыни искусственный конус, из которого сделал свою летнюю резиденцию, свой «божественный» трон.

На пути к полнолунию луна повсюду озаряла песочные холмы и их тени, из-за поднимающейся температуры они мерцали, как черные ангелы. Ричард взглянул вниз – остатки каменных стен тянули к нему руки и хотели рассказывать. *Как это было когда-то?* Он прищурил глаза: *тропический сад, полный инжира, цитрусов, фисташек, прозрачных фонтанов, ирисов, тюльпанов и маленьких озер.* Он чувствовал каких-то существ, но это были не люди. Кто же тогда?

Он расслабился еще больше, когда Виктория неожиданно взяла его за руку. Ричардом внезапно овладела легкость, его мысль растворилась, утратила содержание и превратилась всего лишь в облачко.

Боязнь пустоты заставила его снова сосредоточиться. Внезапно он распался на тысячи мелких капелек. Каждая из них сама по себе, несмотря на то, что они части целого. Ричард ужаснулся – капли снова соединились вместе.

«Другая форма жизни, – уловил он сообщение от Виктории. – Попробуйте не распадаться настолько. Мысль – это действие!»

Ричард успокоился, вместо страха пришла детская любознательность. Маленьким он жаждал все познать, во все проникнуть, желал быть невидимым, передвигать предметы собственной волей, прыгать по Луне, проходить сквозь время... Потеря массы для него волнующа. Он немного проник в ближайший обтесанный камень. Тысячи лет назад он пролетел в одно мгновение – скала, отлом, обтесывание, путешествие, вставка в постройку, разрушение, раскопки. Неумышленно он пустился до изучения вещества – ядро, разряды, волны, пустота – НИЧТО? Он ужаснулся и вернулся на землю. Не подозревая ни о чем, столкнулся с Викторией – его втянул вихрь эмоций – удивление, любовь, ярость, жажда прощения, вина... скрытые тайны, странные намерения? Он направился к ним, но что-то выкинуло его обратно.

– Почти, еще не настало время! – злилась Виктория.

Откуда-то к ней вернулось веселое, даже саркастическое, настроение.

– Почему не останетесь в своем мире? – спросил кто-то.

– Наверное, их тяготит человеческое тело, – насмешливо ответил кто-то другой.

– Или им надоела сложность человеческой жизни – из-за сплошных правил и обязанностей они забыли, как жить.

Ричард разозлился, попробовал освободиться, но тщетно.

– Вы в ловушке! Выкладывайте всю правду, как вы нас нашли? – спросил первый голос.

– Мне помогли собаки, – насмешливо ответила Виктория.

– Это бред!

– Хорошо, вас выдал «Клиффорд»¹, когда я читала его, мне показалась подозрительной чрезмерная конкретика, сразу стало понятно, что он нашел «пространство между». Я искала его «свет» и нашла вас.

¹ Клиффорд Саймак (Clifford Simak), «Город» (1952). Исторические легенды и предания, которые в далеком будущем рассказывают умные собаки. Они заменили на Земле человечество, которое утратило мотивацию к дальнейшему развитию, переселилось в «Рай» на Юпитер и превратилось в существ, которые уже не были людьми.

– *Вот тебе на! Если пустим вас, вы выдадите нас, случится прилив эмигрантов, и скоро здесь будет битком набито.*

– *Мы вернемся, мы ищем мужчину, которого когда-то называли Ирод. – Викторши удалось успокаивающие эмоции.*

– *Предатель Клиффорд! У каждого из нас тысячи имен. – Мысли перестали течь, Ричард ощутил наплыв странной связи, кто-то его изучал и проходил его переживаниями.*

– *Тот, кого вы ищете, скрывается здесь. Ирод, про тебя спрашивают!*

– *Они имеют в виду Ирода Великого? Я здесь.*

– *Как там внизу, брат мой?*

– *Так ко мне обращалась лишь одна женщина. Кто ты? Ты, верно, пришла освободить меня из пустоты и темноты?*

– *Возможно, это зависит от того, куда тебя вынесет твой огонек.*

– *Будучи живым, я жаждал власти и верил, что стану Богом. Как наивно! Моя настоящая мотивация, как и всех остальных правителей, была служить своим интересам и сохранять свои привилегии насилием, обманом, как угодно. Моя жажда власти была бесконечна, и я не смог ее усмирить. Я пожертвовал во имя нее всем, даже своей душой. Только смерть принесла мне освобождение. Здесь я или нет, бесконечно долго размышляю, жду того, кто бескорыстно доставит мое послание, мою глубокую просьбу о прощении.*

– *А что бы ты сделал по-другому, если бы мог все вернуть?*

Ответ не пришел, вместо него мысль Ричарда ощутила резкий прилив сильной энергии, он не противился, понимал, что это бы не имело смысла. Раздался радостный плач: «Ты тот, кем ты был...»

– *Кому мы должны передать твою просьбу? – высокомерно оборвала его Виктория.*

– *В Александрии найдете женщину по имени Гипатия и... Саломея? Это ты? Сможешь мне это простить?*

– *А ты сможешь простить сам себя? – жалобно прошипела она в ответ.*

Виктория внезапно отпустила руку Ричарда. Тяжело открыла глаза и покачнулась. В этот момент по саду двигались две фигуры, поднимаясь по тропе. «На землю!» – отдала команду Виктория. Они оба улеглись на мостовую и тяжело выдохнули. Возвращение к миру массы – это шок.

– *Они ищут нас, – прошептала Виктория.*

– *Кто? – не удержался Ричард.*

– *Позже, – отрезала Виктория, проскользнула к древнему коридору и осторожно спустилась по полуразрушенной лестнице вниз.*

«*Мы ведь идем им прямо под удар!*» – подумал Ричард, но все же последовал за ней. Они прошли несколько метров, и Виктория свернула в полупустую нишу.

– *В свое время евреи построили здесь туннель, когда восстали против римлян, – прошептала она. – Помогите мне, мы должны найти вход.*

– *Но как?*

– *Ощупывайте стены, потолок и пол, включите все чувства, как только почувствуете что-то другое, вероятно, это и будет коридор.*

Ричард проглотил саркастическое замечание: то, что не наши археологи за десятилетия, они за пару минут, конечно же, обнаружат. Вдруг он вспомнил про засыпанную шахту в Австралии. Он снял футболку, брюки и ботинки и начал прижиматься к стене. Он услышал за собой тихий смех. Развернулся и увидел силуэт голой Виктории.

– *В некоторых идеях мы сходимся, – заметила она и тоже прижалась к камням. Они скрупулезно изучали каждую часть стены, пола и потолка.*

– *Кажется, нашла! – восторженно выдохнула Виктория из угла комнаты. – Здесь внизу.*

Ричард припал лицом к указанному месту. Он почувствовал незаметное дуновение затхлого, холодного воздуха на щеке.

– Проем, скорее всего, ведет в пол. – Он попробовал повернуть камень, но тот не сдвинулся.

Виктория встала на колени рядом с ним и положила руки на пол.

– Сосредоточьтесь. Необходимо его раскачать.

Ричард положил руки рядом с Викторией и постарался изобразить вибрацию. У него не получалось сосредоточиться, и им овладело разочарование. *Однажды ты захочешь стать могущественным? Твои представления никуда не годятся, пока ты ничему не научился!*

– Ричард, сильнее! – сдавленно рявкнула Виктория.

Под их руками что-то сдвинулось, сначала немного, потом больше, каменная плита начала слегка вибрировать. Посыпалась земля. Ричард с Викторией с трудом приподняли каменную плиту и отодвинули ее в сторону. Им открылся проем, и оба они быстро пролезли внутрь. Их обступил затхлый, холодный воздух.

– Не двигайтесь, – прошипела Виктория. Вдалеке были слышны голоса, Ричард их не понимал, но полностью ощущал их эмоции: удивление, недоумение, непонимание. Неожиданно все вокруг него все стало настоящим, подлинным. Действительность была осязаема, между вещью, мыслью и эмоцией не было разницы. *Я схожу с ума? Возбуждение и страх смешались в нем. Человек всегда должен дойти до самого края, чтобы осознать самого себя?*

Время шло, в абсолютной тишине они пролезали щелями, были слышны даже малейшие движение или выдох, тропа резко спускалась, каждый шаг должен был быть осторожным, чтобы не привести к сдвигу или падению камней. Ричард временами ударялся головой о потолок, деревянные балки крест-накрест вновь напомнили ему шахту в Австралии. *Как мала разница между действительностью и воображением, как незаметна граница между жизнью и смертью. Человеческий мир ничтожен по сравнению с тем, что есть около нас. Как я мог настолько уйти в себя? Типичный паразитирующий индивидуалист, который хочет от общества как можно больше, отгородиться, выделиться, «грести все под себя». Сколько во мне от Ирода? Может быть, я нашел потерянную связь со светом, природой, родом, людьми? Я не один на свете! Подозреваю, кто я. Ничтожность и одиночество в нас, потому что мы насильно отделились. Вселенная – наш дом, мы – его часть, и, если не будем сопротивляться, мы можем связаться с ним когда угодно. В приливе эйфории Ричард рассмеялся вслух. А как насчет того, чтобы сдерживать себя?*

– Тихо! – резко прошипела Виктория. – Не двигайтесь.

Оба присели на землю. Где-то над ними прозвучали приглушенные шаги. Радость Ричарда не утихала, мир вокруг него становился видимым, ему даже не нужно было зрение. Он немного проник в мысли Викторией и оказался в запыленном полупустом коридорчике. К его удивлению, в конце оказалась дверь, которая тяжело и медленно открылась, он зашел внутрь.

Юная девушка поднималась по эскалатору метро. «Виктория!» Она повернулась и увидела Давида. У нее перехватило дыхание. Ее большая студенческая любовь. Статный герой романов. Мама Давида была украинка, а папа – немец. Возможно, поэтому он был ей так близок – тоже, по сути, ничему не принадлежал. Он говорил на пяти языках, ничего и никого не боялся. Они учились вместе в гимназии. В отличие от нее, он говорил по-чешски практически без акцента. Все девушки обожали его широту и прямоту. Он обладал какой-то внутренней силой, был неразговорчив и все время слегка улыбался, по крайней мере, ей так казалось.

Иногда они встречались на приемах, чувствовали взаимную симпатию, однако он всегда был занят.

Давид взбежал к ней и прижал к себе – самое большое блаженство! Лишь мгновение она сомневалась, потом слегка обняла его. Умирая от нежности, погладил ее по волосам, посмотрел

рел ей в глаза – так близко, что невозможно выдержать. Она деликатно высвободилась из его объятий.

– Виктория! Как дела? Ты не представляешь, как часто я о тебе вспоминал. Мне бы в голову не пришло, что встречу тебя здесь. Что ты делаешь в Москве?

– У меня же советское гражданство. – Она старалась говорить спокойно, но голос дрожал. – Мне нужно в Армению.

Привлекательность Давида давила на ее – она не могла как следует перевести дух.

– Я забыл, что ты наполовину армянка. Пошли вечером со мной на Таганку, будет играть Высоцкий – хоть у меня всего один билет, как-нибудь тебя проведу. Можешь переночевать у меня, я живу с другом в общежитии на Рязанке. Он куда-то уехал, и есть свободная кровать.

Вестибюль был прокурен и набит битком. Каждую минуту кто-то дергал ее за рукав: «У вас нет лишнего билета?» Она протиснулась к входу в зал. В 80-х годах XX века, во времена глубокого упадка коммунистической России, Таганка была одним из лучших «бунтарских» театров. Тогдашний режим с удовольствием бы ее запретил, но Высоцкий, один из ведущих актеров, был слишком знаменит во всем мире.

– Она – подруга Высоцкого, – смело начал Давид.

– Отойдите, отойдите. У вас нет билета. Не пуцуй! – раскинула руки одна из билетерш.

– Она приехала из Франции – скажите ему, что здесь Виктория. – Давид никогда не сдавался. Он был способен убеждать и в самой большой лжи.

– Хорошо, пойдите со мной, – повернулась пожилая билетерша к Виктории. Давид хотел проскользнуть за ней, но женщина решительно остановила его. – Вы – нет, у вас ведь есть билет. – Виктория растерянно оглянулась. Она не хотела идти без него. Остановилась и вернулась к нему.

– Не бойся, иди одна – Высоцкий точно будет делать вид, что знает тебя. Помни, вы встретились в Париже. Увидимся во время антракта. – Давид заметил ее сомнения, но объяснил это скорее неуверенностью, чем желанием быть с ним каждое следующее мгновение.

– Так что? Идете или нет? – нетерпеливо спросила билетерша.

– Уже идет, – сказал Давид вместо Виктории и деликатно подтолкнул ее вперед.

«Владимир Семенович, эта девушка, Виктория, говорит, что вы познакомились в Париже».

Мужчина обернулся. У него было измученное, уставшее лицо, потемневшие глаза, но, когда он заговорил своим глубоким хриплым голосом, блеснула прекрасная мужская энергетика, непреклонная и притягательная.

Он взглянул на нее и усмехнулся. Подошел, крепко обнял ее и легко сказал:

«Не помню ее. Но когда мы выпьем, определенно вспомню».

До начала представления они вместе выпили больше полулитра водки. У Виктории закружилась голова. Нет, не то чтобы она не привыкла пить. В общежитии они часто гуляли до утра, но обычно это было пиво или вино. Его суровый, восхитительный голос ошеломлял. Он взял ее за руку и повел куда-то... Виктория старалась прикоснуться к его волосам, но вместо этого пропала где-то между костюмов.

– Вставайте! Исчезните отсюда. Уже конец. – Кто-то слегка толкнул ее, она открыла глаза. – Давай, быстро, или позвоню в милицию. – Она осознала, что она голая, прикрыта лишь какой-то тряпкой. Неуверенно собрала свою разбросанную одежду и быстро оделась. Нижнее белье немного порвано, на нее навалилась пустота.

– *Пойдемте!* – приказала билетерша и отправилась по ступеням наверх. Вестибюль был пуст, лишь у боковых дверей стоял швейцар. Он открыл дверь и вытолкнул Викторию на улицу. Повеяло холодной весенней ночью. Она обмоталась шарфом и побежала к метро. Ей повезло, было почти полвторого, отъезжали последние поезда.

Замерзшая, она стояла в маленьком университетском общежитии и уговаривала сонного вахтера, чтобы он сказал ей номер комнаты и пустил внутрь.

– *Тверской, Тверской... Давид Тверской?*

– *Да, это он.*

– *Четвертый этаж, номер 44. Только сейчас ночь, посещения возможны до десяти,* – вахтер нахмурился.

Она слегка погладила его по щетине и из последних сил улыбнулась. «*Пожалуйста!*» Турникет открылся. Она поднялась на четвертый этаж и оказалась у номера 44. Тихонько постучала. Ничего. Нажала на ручку – открыто. Она прошла по коридорчику, слегка толкнула полуоткрытые двери и вошла. Посреди комнаты стояли маленький облупившийся стол, два стула, вдоль стен две кровати. На подоконнике стояла менора, семисвечник.

– *Вик, это ты?* – спросил заспанный Давид по-русски и сел на кровати.

– *Прости, Давид. Мне жаль. Он обещал, что, если я с ним выпью, увижу представление, а я быстро опьянела. А потом...* – По ее щекам стекали слезы. Она села на кровать рядом с ним и положила голову ему на плечо. Блаженное мгновение. Он мягко обнял и прижал ее к себе.

– *Я не нашел тебя в антракте. Представление закончилось, и я еще два часа ждал. Постучал в двери театра. Мне открыл разозленный швейцар, говорю ему: «Я жду свою подругу, она должна быть у Высоцкого». «Никого нет, все ушли, идите домой!» – ответил он и запер двери. Я, дурак, подумал, что ты уехала с ним. – Давид прижал ее голову и засмеялся. – От тебя пахнет спиртным и табаком. Ты красивая, когда такая тихая.*

– *Хочешь, чтобы я была такой? Я научусь.*

– *Никогда! Твоя раскованность в сто раз притягательнее.*

– *Можно я лягу к тебе? Мне очень холодно.* – Не дожидаясь ответа, она избавилась от обуви и растянулась на кровати. В последний момент перед тем, как заснуть, она почувствовала, как Давид прикрыл ее и погладил по щеке.

Ричард очнулся, сел и вытянул одеревеневшие ноги. Недалеко от него раздался шорох.

– *Простите мое любопытство,* – виновато извинился Ричард.

– *Это тяжело – пустить другого к себе так глубоко.*

– *Давид еще жив?*

Виктория сделала глубокий вдох:

– *Я верю, что да, но лучше даже не пытаться искать его.*

– *Почему?*

– *Возможно, наберусь смелости и позволю вам узнать почему. Вы не потеряли камешек?*

Ричард залез в карман и вытащил пористую гальку.

– *Дайте мне руку,* – попросил он Викторию. Две ладони нашли друг друга, быстро и сильно сжались. Его сердце забило. – *Это необычный камень, так ведь?*

Современное общество обожает «новые» вещи, больше всего оно любит, когда все, что произведено, быстро продается, употребится и превратится в мусор. Серый камешек мало кому интересен. Виктория ослабила рукопожатие, но не выпустила руку Ричарда. Ее удивила странная тяжесть. *Болезнь, усталость?* Пробежала по всему ее телу. *Все в порядке, так что тогда? Воспоминания? Да! Что-то в будущем снова связывается с прошлым. Так у нее было всегда. Давид?* На нее напала навязчивая необходимость довериться, поделиться, открыть еще больше свою затоптанную душу. Рука Ричарда была мужественной и дружеской.

– Когда я была маленькой, я любила читать, и часто мне было грустно, когда хорошая книга заканчивалась. Детская душа, однако, знает, что делать. Любимые книги я читала по второму разу, по третьему, по пятидесятому, снова и снова, мой реальный мир медленно переплетался с книжным.

Едва я закрывала вечером глаза, появлялись персонажи, их приключения, внезапно возникла новая история, она развивалась, продолжалась, менялась, и я поняла, что путь – это вопрос не выбора, а воображения, и будущее зависит лишь от личного решения.

– Вы хотите сказать... – в изумлении Ричард не закончил предложение.

– Не перебивайте меня. Мужчины так не любят слушать. Мое воображение и продолжения романов приобретали все большую интенсивность. Мое сознание овладело мной – оно выбирало только те продолжения, которые его возбуждали, притягивали. Разница между книгой и продолжением размывалась. Я была неспособна остановиться.

– Так значит, вы подошли к параллельному миру!

– У фантазии свои пути. В одном языковом лагере я познакомилась со старшим мальчиком.

– Привет, ты не Джейн Эйр?²

Этим вопросом он меня сразил. Со своих двенадцати лет я хотела быть такой, как она! Ее история просыпается в моем воображении каждую ночь.

– Возможно, да, – ответила я таинственно и так же прямо спросила: – А ты случайно не Мартин Иден?³

– Я сам Джек Лондон! И если хочешь, я возьму тебя с собой во-о-он туда, на тот холм.

– Хорошо, Джек, или как там тебя зовут, – сказала я насмешливо.

– Ян, но все зовут меня Филос, правильно бы было Философ, но все сокращают.

– Филос звучит возвышенно, а я – Виктория.

– Филос – это любимый, фило – софия, собственно, это любить мудрость, поэтому философом является каждый, кто любит мудрость.

– А ты скорее не πολύ σοφός – чересчур мудрый? – спросила я его с пренебрежением.

– Ты говоришь по-гречески? – удивился он вместо того, чтобы обидеться.

Мы обошли заросший болотистый пруд и отправились лесной тропинкой к холму. Лес был полон могучих буков, прелестных кленов и раскидистых дубов. Их ветви склонялись к нам и приветливо махали, кроны деревьев улыбались и передавали друг другу новость: «Эй, здесь двое из рода Адама, охраняйте их и приведите в правильное место».

– Подожди, – сказал Ян и остановился. – Слышишь голоса?

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Меня охватила незаметная дрожь... это было неприятно, пробуждало во мне грусть... Что-то случилось, и невозможно это вернуть. Между тем Ян сошел с тропинки и направился к зарослям высокой крапивы, ясеня и отцветшей черной бузины неподалеку. Он раздвинул высокую траву и исчез из видимости. Я безрассудно побежала за ним, влетела в заросли и очутилась в вакууме. Полет длился, наверное, секунду-две. Я свалилась на маленький луг, к счастью, лишь с парой царапин.

– Голоса слышались отсюда, – раздался за моей спиной голос Яна. Я обернулась. Луг был усеян желтыми лютиками, над ними возвышались несколько буков, а на земле лежали поросшие мхом могильные плиты. – Посмотри, здесь полно земляники! – крикнул Ян и принялся ее срывать.

– Земляника на кладбище – это странно, тебе не кажется? – спросила я, уплетая мелкие сладко-горькие ягоды.

² Героиня одноименного романа Шарлотты Бронте.

³ Герой одноименного романа Джека Лондона.

– *Имеешь в виду: наешься – заплатишь потом?*

– *Не ешь их!* – приказала я со смехом, но внутри почувствовала странный холод.

Ян присел к одному из камней, смел сухие листья и прочитал: «Здесь похоронен Мартин Иден, матрос, одержимый жаждой стать известным писателем, попасть в ряды богатых и успешных людей, изменить свою судьбу. Разочарование от богатства и лицемерных обывателей привело его к самоубийству. Умер молодым в возрасте двадцати девяти лет».

– *Не это было настоящей причиной его смерти. Я встала и очистила рукой другой надгробный камень: «Здесь лежит ТОТ, у кого был писательский талант, кто всю жизнь жаждал признания, славы и богатства, кто думал, что это принесет ему счастье, но вместо этого добился еще большего одиночества и душевной боли».*

Ян очистил следующий камень и прочитал: «Покойся с миром, Мартин Иден, не научившийся любить несовершенный мир и покончивший с собой, потому что полагал, что был лучше остальных».

Я встала и медленно пошла по цветочному саду. Одно надгробие было вставлено в ствол бука и, очевидно, под его давлением, разломилось посередине. «Какая судьба должна была постигнуть человека, чтобы и дерево утешало его после смерти», – пришло мне в голову. Я присела напротив него и прочитала: «Здесь покоится Яна Еурова, которая преодолела неблагоприятность судьбы, общественные условности и умерла счастливой через несколько лет после того, как похоронила своего мужа, господина Эдварда Рочестера из Торнфилдского поместья».

Ян встал, оглядел кладбище, присел ко мне и взял за руку.

– *Для меня Яна – это олицетворение женской доброты и роковой мудрости. Кстати, представь себе, что на этом камне, вставленном в дерево, написано нечто совсем другое: «Их звали Ян и Виктория, они встретились и стали друзьями на всю жизнь, даже не зная почему. Они поняли это, когда уже умерли – рождение разделило их души на две части, и только после смерти из них снова получилась одна душа».*

Мы долго неподвижно сидели под буком с разломленной могильной плитой. Счастливая и очарованная, я отпустила руку Яна и бесцельно прогуливалась между надгробий. Они томительно выставляли свои пики к небу, и я чувствовала, как они стараются привлечь мое внимание. Вдруг Ян позвал меня.

– *Виктория, посмотри. – Он стоял перед маленьким удаленным обелиском, буквально обмотанным плющом, а на его верхней грани лежали несколько камешков.*

Я присела на корточки. Под плющом была скрыта надпись. Я постаралась оторвать побеги растения, но у меня не получилось. Ян слегка обнял меня, и моя детская душа ощутила блаженство.

– *Давай сначала попросим, а потом попробуем снова.*

– *Имеешь в виду покойника?*

– *Нет, плющ, – улыбнулся он. – Давай встанем на колени. – Он опустил меня вниз, мы оба сложили руки, и Ян начал декламировать просьбу: – Мы, двое детей, просим возможности взглянуть и прочитать надпись.*

– *Обещаю, что за это я сделаю все, что попросишь, – добавила я, совершенно не представляя, почему это сказала. Странное сжатие в желудке снова дало о себе знать. Я погладила Яна по щеке и встала. Бессознательно протянула руку к маленькой серой гальке на надгробии и засунула ее в карман. У меня закружилась голова, меня начало знобить.*

– *Мне не по себе, пойдём отсюда.*

– *Я не боюсь, – ответил Ян, однако и его задело странное чувство.*

Я взяла его за руку и потянула к разрушенной стене, чтобы уйти с кладбища. Что-то заставило меня обернуться – мне показалось, что несколько силуэтов смотрят в нашем направлении, я еще больше запаниковала и сильнее сжала руку Яна. В долю секунды заметила

открытую надпись, мои глаза, натренированные сотнями прочитанных книг, позволили мне ее не только прочитать, но и запомнить.

Запыхавшиеся, мы выбежали на вершину холма и уселись на камни. Внизу под нами был лес с таинственным кладбищем.

– Ян, плюц тебя послушал и освободил надпись. Я смогла ее прочитать, когда оглянулась. Там было написано: **Друзище, Бог открывает тебе свет бытия и вручает часть своего света. Откройся, познай и действуй во имя веры своего бытия, ибо все останется записано в небесной памяти.**

– Наверное, какая-то мудрость того, кто понял, как правильно жить, – задумчиво ответил Ян.

Что-то начало жечь мою руку, я открыла ее.

– Камушек! – вскрикнула я и отбросила его на землю.

Ян взял его и тщательно рассмотрел.

– Странно, в нем много маленьких дырочек, похоже на пемзу, но откуда она здесь взялась?

– Возможно, он что-то скрывает в себе. – У меня в голове пронеслась наша история: падение, кладбище, чтение прошлого, сломанный камень в буке, две разделенные души, камешек на надгробии, моя рука, которая бессознательно его взяла, силуэты и надпись.

– Виктория, ты не можешь его выкинуть. Камушек положил тот, кто хотел исполнить какое-то желание. Либо верни его, либо возьми с собой.

– Возьми ты! – сказала я испуганно.

– Ты не можешь дарить его, он был подан тебе, и ты должна раскрыть его желание. Когда я найду похожий, я буду знать, что наши души действительно соединятся. – Ян взял мою руку, вложил обратно в нее камушек и лукаво улыбнулся. С трепетом и полными противоречий чувствами я положила его в карман.

– Почему я его так боюсь? Мне кажется, что я что-то должна, что этим я что-то пообещала.

– Обещаю, что всю жизнь буду помогать тебе с долгами, стоит только вспомнить про меня, – патетично сказал Ян, и это меня успокоило.

Лето закончилось, и мы вернулись домой. Все детство ко мне возвращались наши игры, полные фантазий и приключений, мы были по-настоящему, счастливыми. Но вдруг мне исполняется двадцать пять лет, я воспитываю маленькую дочь, у меня нет ни денег, ни друзей. Мир казался мне чужим, ненужным. В то время меня спасал лишь побег в собственный мир. Однажды ночью я вообразила, как снова буду ребенком, мы будем держаться за руки с Яном и вместе умирать. Общая смерть совсем другая. Вы не боитесь ее, даже можете чувствовать себя счастливыми. Однако как только мечта подошла к концу, что-то начало мне сопротивляться, я оттолкнула это, хотела идти вперед, но услышала то, от чего и сегодня у меня мурашки: «А как насчет твоего обещания?»

Ричард удивленно выдохнул.

– Выходит, Ян, то есть Джон, – это ваш тайный друг из детства.

– Друг? Нет, он составляющая меня, а я его. Мы переплетены, и нас постоянно тянет друг к другу.

– У меня нет никого столь близкого, – грустно сказал Ричард.

– Это нелегко: Бог – или назовем это так – хотел, чтобы душа разделилась.

– Значит, вы близки к цели: я передам вам камушек для Джона – ничего сложного.

– Хотела бы я иметь вашу юношескую уверенность в себе. А как же обещание?

– А вы знаете, что это?

- Это скорее просьба, а не обещание, и здесь я вами воспользуюсь.
- Как загадочно, – ухмыльнулся Ричард и внимательно осмотрел гальку. – Насколько оба камушка похожи?
- Идентичные? – ответила Виктория вопросом.
- Моя задача – раскрыть их тайну и помочь вам выполнить обещание? Это плата, которую вы от меня ожидаете?
- С Аристотелевой логикой справляетесь хорошо. Однако этого недостаточно.
- Что вы имеете в виду? – неуверенно спросил Ричард.
- Анализ – абстракция – синтез – обобщение. Это наш научный мир, основанный Аристотелем. Благодаря ему мы развиты рационально, умеем анализировать события, обобщать причины, проводить синтез и предлагать решения. Этого не всегда достаточно для раскрытия сути – иногда это даже усложняет вещи или сбивает нас с пути.
- Не понимаю, ваша начитанность иногда мне мешает, – заметил Ричард.
- А это случайно не из-за лени вашей мысли? Хороший психиатр справляется с анализом, использует свой жизненный опыт и приходит к заключению, чем мы страдаем. Он пропишет лекарства и даст возможность людям выжить, но не вылечиться. Техническо-экспертный метод не всегда достаточен для раскрытия сущности болезни, а пока мы ее не поймем, мы не сможем окончательно выздороветь. Только исключительный психолог, который допускает и нечто ненаучное, погружается в сказочные мифы и легенды, подключается к мудрости вселенной, способен во взаимодействии с пациентом раскрыть субстанцию его мучений. Путь к выздоровлению может вести и сквозь несколько жизней. Стигмат передается из поколения в поколение, если мы не разберемся с этим в себе, это ждет наших потомков. Наш мир не хочет этот признать. Это вне «Аристотелевского» восприятия мира. Понимаете меня?
- Если я должен раскрыть тайну отталкивающих камушков, мне нужно стать сумасшедшим, – ответил Ричард провоцируя.
- Виктория засмеялась своим высоким голосом.
- Хороший доктор хочет разобраться с проблемой, а исключительный отличается одержимостью, жадой раскрыть сущность. Если вы хотите раскрыть тайну камушков, ваша одержимость найти и понять должна быть сильнее, чем смесь эротической страсти, убивающей ярости и творческой одержимости. Она должна быть настолько сильной, что увлечет вас в безостановочный водоворот мыслей и действий. Ваше мужество и жажда становятся сильнее с каждой минутой, вы перестаете бояться и оценивать мир критерием «черно-белое». Надежда, что вы сможете, растет, вы уверены в себе, ваша уверенность растет, вы достигаете состояния транса, вам открываются знания вселенной, вы преодолеваете свою физическую сущность и чувствуете, что существует что-то большее, чем всего лишь ВЫ.
- Вы это пережили! – удивленно выкрикнул Ричард. – Я докажу!
- Смотри-ка, немного эмоциональной пропаганды, и вами можно манипулировать. Я молодец! – похвалила себя Виктория.
- Немного стерва, вам не кажется? – саркастично заметил Ричард.
- Это были не мои идеи, а Аммония⁴. Кто поверит, что спустя две тысячи лет исполнится судьба или найдется люк, через который мы отсюда выберемся?
- Откуда вы это знаете?
- Представляю себе его?
- Я сдаюсь!
- Виктория принялась ощупывать потолок.
- Где-то должна быть крышка.
- Ричард присоединился к ней, и не прошло и получаса, как он наткнулся на нечто круглое.

⁴ Аммоний Саккас, александрийский философ, который жил на рубеже II и III веков.

– Все сгнило, здесь должна была протекать вода.

Вдвоем они отодрали распадающееся дерево, внутрь потекла струя песка. Спустя какое-то время разгребания интенсивность струи уменьшилась, открылась щель, внутрь проникли луч утреннего света и запах мокрой соломы. Они просунулись сквозь зазор наружу. Запыленные и грязные от рытья, они уселись и огляделись в пустыне.

– Иродион находится за этим холмом, – махнула Виктория по направлению на запад.

– Кто те люди, которые нас преследовали?

– Они следят за мной годами, чего-то ждут, думаю, это уже скоро настанет. Иногда меня охватывает тоска, в другой раз я им смеюсь. Они не должны понять, что мы задумали.

– Даже я этого не знаю, но это, наверное, и хорошо, – сказал скорее для себя Ричард.

Виктория посмотрела на него с презрением, взглянула на восходящее солнце и поднялась.

– Пойдемте, завтра нас ждет новая дорога. – Она энергично пнула остатки люка, которые развалились на мелкие кусочки и разлетелись.

– Неплохо, – похвалил ее Ричард.

– Хвалите тяжелую ночь или мой блестящий удар? Сегодня люди ограничивают отношение одного к другому лишь рациональным обменом и не могут «прожевать» друг друга эмоционально. Мы пережили многое вместе, а вы сказали лишь «неплохо». Ваша душа, возможно, пробуждается, но она по-прежнему не может оттолкнуться от земли. Женский мир иной, не такой как ваш.

– Почему я должен его понимать? У меня с ним плохой опыт. Когда-то, пятилетним мальчиком, я нарисовал маму, чтобы ее порадовать, она взглянула на рисунок и, как и полагается взрослому человеку, сначала похвалила меня.

– Ты молодец. Кто это?

– Естественно, ты! – сказал я с укоризной.

– А почему у меня красные волосы, такие маленькие глаза и короткие ноги?

– Это ведь желтый, как огненное солнце, маленькие глазки, когда у тебя много работы, а короткие ножки, потому что бегаешь туда-сюда, как собачка.

– Хм, красиво рисуешь. – Она погладила меня и ушла в кухню.

Мне сразу стало грустно, моя детская душа ожидала спонтанной радости, а вместо нее пришло разочарование. С тех пор я возненавидел рисование, и чем больше меня заставляли, тем больше росло мое отвращение. Я приписывал рисованию вину за то, что мама меня не любит.

Для моей мамы это был маленький, будничнейший эпизод, но для меня это стало жизненным опытом. «Не понимаю, почему ты не рисуешь, ведь у тебя так хорошо получалось», часто спрашивала меня она, когда я требовал ее внимания. Однако я уже тогда знал, что она лицемерит, и я ее не интересую. Я перестал ей верить. Скрывал настоящие эмоции и демонстрировал лишь те чувства, за которые она меня хвалила. Настолько мне нужны были ее расположение и любовь.

– Детские обиды тяжелые, они находятся внутри человека, и часто возникает непонимание. Я тоже уже долго ношу в себе одну и не могу от нее избавиться. Вы ее простили?

– Иногда навещаю ее, она кажется мне одинокой, виню себя, что уделяю ей мало внимания, но у меня не получается. Кстати, она больше любит моего младшего, более талантливого брата. Сначала все бегали вокруг меня, но когда родился он, стали заниматься им. Я остался в его тени, от меня ничего не ждали. – Голос Ричарда стал сдавленным.

– Получается, вы не простили, более того, в вас осталось чувство обиды, а возможно, и зависти!

– А почему я должен был простить? Только потому, что она моя мать? Оставим это, это было давно и спрятано где-то совсем глубоко.

– Горечь от чувства несправедливости и неблагодарности – как застиранное постельное белье, которое отдает затхлой вонью обиженности и недоброжелательности. У матери везде детские рисунки ее сына, но она не способна простить ему, что он предпочел матери свою жену. Одиноким отец один живет в большом доме, и его детям нельзя переступить порог, потому что они построили собственные дома. Женщина даже спустя двадцать лет не простит мужчине, что оставил ее и их маленькую дочку, когда они в нем больше всего нуждались. Вызвать в другом чувство вины – это жестоко, эгоистично и удобно. Наказания, которые люди так любят раздавать, не понимая, что при этом вредят сами себе. Мне тяжело об этом говорить.

Ричард согласно кивнул.

– Меня по-прежнему мучает это, я стараюсь ее простить, но всякий раз неожиданно ко мне снова возвращаются прошлое, упреки, злость, обида. Как научиться не наказывать, а прощать?

– А что, если прощение – это наивысшая форма защиты и любви к самому себе? Что, если это не христианская выдумка, а выражение понимания реального мира, который не является и не может быть справедливым? Вместо того, чтобы прожить свою жизнь, мы топим себя в обидах, мелкой мести, ощущениях удовлетворения и тайно раздаем вокруг удары под маской хороших советов и доброжелательности. Каждый наш добрый поступок на самом деле просто бизнес, за который мы ждем награду, преданность или послушание. Признайтесь, сколько добра вы сделали сами для себя?

– Сам для себя? Что вы имеете в виду?

– Настоящее добро дарит вам радость само по себе, а простить – значит, прежде всего, перестать наказывать самого себя, освободиться и вернуться к самому себе, не заниматься жизнями других, не анализировать, не оценивать без конца их поведение и действия, а взять на себя ответственность за собственную жизнь. Если вы это сможете, однажды вам удастся преодолеть самого себя и подарить добро и прощение другим.

– Фуф, это сложно, – сказал Ричард и неожиданно спросил: – Саломея смогла простить Ирода?

– О, мальчик перешел из обороны в наступление. – Виктория сначала засмеялась и минутку сомневалась, как будто что-то обдумывала. – Та история еще не закончилась, Ирод по-прежнему глубоко в болоте, а Саломея преодолевает свою жажду мести.

– То есть еще не готова простить, – добавил Ричард менторским тоном.

– Легко советовать другим, – насмешливо ответила Виктория.

– Так что им нужно, чтобы история закончилась?

– Саломея и Ирод должны разрешить свои отношения, – таинственно ответила Виктория.

Алое утреннее солнце поднялось над горизонтом и запылало. Обессиленные, они наконец-то добрались до машины и устало сели в нее, Виктория завела мотор, вдавила педаль, и машина медленно тронулась.

Ричард и женская душа

У тебя будет все, что ты пожелаешь, несчастная! (Платон)

Спустя чуть менее часа Виктория въехала на шоссе в Тель-Авив. Ричард из последних сил боролся со сном, вдруг веки тяжело закрылись, и их не получалось разлепить, голова бесильно опрокинулась назад, и тело провалилось в глубокий сон.

Была ночь. Он лежал на траве в городском парке у маленького озерца. Около него сидела хрупкая девушка в светло-сером платье, играла на гитаре и низким голосом пела:

*«Если бы я выложила на стол все свои вещи,
кто бы любовался этой пустотой?
Если бы я исчезла с паркета вечности,
кто бы заметил, что пропала лишь тень?
Если бы я нашлась, как потерянная подкова,
кто бы меня поднял просто так, на счастье?
Если бы я споткнулась о землю или камень,
кто бы помог мне, кто бы меня поднял?
Поднялось бы сердце, которое не танцует под свист,
но чувствует свою подкову в моей приветливой пустоте.
Тогда бы я почувствовала твердую землю под пятками
и любовь, пульсирующую в моем дуэте».⁵*

Ведь это его стихотворение! Ему было шестнадцать, фантазия, полная романтики, любовных поцелуев и нежных прикосновений, не давала ему спать, сердце бешено колотилось, он зажег маленькую лампочку, вытащил из стола дневник Moleskine – он не припомнил, однако, чтобы дневник туда кто-то клал, – нашел острый карандаш и начал писать. Каждую ночь он писал одно стихотворение, в которое он вкладывал все, что в тот момент чувствовал – задумчивость, радость, разочарование. За два года он заполнил стихами пять блокнотов – со временем куда-то засунул и забыл про них.

– Откуда ты его знаешь? Я никогда никому его не показывал. – Он робко взглянул на девушку – у нее были темные рыжие густые волосы, слегка веснушчатое маленькое личико, тонкие пальцы. Ее запах напоминал запах комнаты со старой мебелью, пуховыми одеялами, в которую через открытое окно проникал аромат цветущей липы.

– Красивое стихотворение, почему ты больше не пишешь?

Он протянул руку и прикоснулся к ее лицу. «Куда ты пропала». Девушка, однако, внезапно стала выглядеть напуганной, и ее лицо превратилось в лицо мамы. Она озабоченно стояла над ним и гладила его по волосам. «Проснись, открой глаза, к тебе вернулась мама».

Он дернулся. Автомобиль скользил по обочине и едва удерживался на проезжей части.

– Виктория! – закричал Ричард и дернул за руль.

– Прошу прощения, очевидно, микросон, – уставшая Виктория направила машину обратно на полосу.

– Остановите! – решительно приказал Ричард, и Виктория, как ни странно, его послушала. Они поменялись местами, и Ричард вновь въехал на шоссе.

– Почему вы меня не разбудили? – спросил он укоризненно. Ответа, однако, не было. Он взглянул на попутчицу, спящая Виктория выглядела так, как будто выпила шесть стопок и выкурила несколько косяков. Ричард быстро привык к управлению и вновь погрузился в свои мысли.

Его мама появилась в момент самой большой опасности и спасла ему жизнь. По лицу стекло несколько маленьких капелек. Возможно, именно сейчас он сможет изменить свое отношение к женщинам, которое было слишком наивным и романтическим, он любил в них что-то, чего у них, собственно, и не было. Он идеализировал их, как и все вокруг себя? Ведь он был так разочарован, унижен первыми серьезными отношениями, что новые уже не хотел начинать. Она была уверена в себе, спортивна, амбициозна, на несколько лет его старше. Помыл посуду – плохо, сходил в магазин – никогда не купил того, что должен был, взял билеты

⁵ Мирослав Беран – стихотворение «Дробление» (1976).

в театр – плохие места. Он чувствовал себя неспособным и непрактичным... Женщины, с которыми он знакомился, были намного прагматичнее, чем он того хотел. Он не желал нового разочарования.

– Значит, поэтому вы избегаете женщин, вы их боитесь, приспосабливаетесь к ним, вы не можете быть самим собой, теряете уверенность, – удивила Ричарда проснувшаяся Виктория.

– Вы подсматриваете за моими мыслями?

– Но ведь вы говорили вслух! – засмеялась Виктория.

– Вы врете, а еще издеваетесь надо мной. С Андреей все было действительно сложно.

– Я похожа на нее? Вы и меня боитесь?

– Нет, вы – твердая, страстная, но мудрая.

– Такое приятно слышать. Когда-нибудь мне о ней расскажете, но сейчас лучше расскажите о девушке, которая появляется и исчезает.

– Она навещает меня в моих снах и фантазиях, говорит, что она – моя душа и вроде как показывается мне только тогда, когда я о ней как следует забочусь.

– Вы этому не верите! Девушка в ваших мыслях действительно ваша душа. Она принимает облик того, кто ей ближе всего. Найдите ее!

– Вы имеете в виду настоящую или воображаемую?

– Обеих, – удивленно сказала Виктория. Они посмотрели друг другу в глаза и разразились смехом. Они почувствовали какое-то освобождение и гармонию усталости и радости.

– Вы, наверное, первая женщина, которую я немного понимаю и почти не боюсь. Вы внезапно проявляете чувства и настроения, но не придаете им никакого значения, просто позволяете им пройти, и на этом конец – никакого наказания, объяснения, задабривания. С вами я не виноватый, которым манипулируют при помощи женских эмоций.

– Какой комплимент от молодого мужчины. Человек сам не замечает своего прогресса. Избавиться от чувства несправедливости, зависти или ненависти стоит нечеловеческих усилий. Я учусь, но получается это у меня медленно. Когда-то я тоже была такой. Мужчины долгое время держали нас на привязи. Я страстно желала мести, хотела захватить их, ограничить возможности. За последний век мужчины стали намного слабее, страдают чувством вины перед нами, а мы им это возвращаем с процентами. Мы не понимаем, что уничтожаем сами себя. Я научу вас держать женщину на поводке, но при этом дать ей свободу и любовь. Хотите?

– Вы поступите так с женщинами?

– Нам это нужно! Мы без конца страдаем, тонем в жалости к себе и собственных пытках, приносим себя в жертву, но упрекаем близких, мы хотим завладеть, но не править. Правило первое: не придавайте большого значения настроению женщины. Если хочет заняться любовью – используйте это; если она злая, ехидная, враждебная – оставьте ее одну. Так вы заработаете наше большое уважение.

Мы быстро начинаем относиться к своим сыновьям как к взрослым мужчинам, иногда ими восхищаемся, иногда их ненавидим, забывая, что они еще дети – ваша мама любит вас, переступите через себя и вернитесь к ней, найдите подход, простите ее. Так вы станете зрелым мужчиной.

– Я писал стихи, мечтал и обожал сказки. Ребенком я перечитывал некоторые сказки по сто раз, в них было особое волшебство радости, счастья, доброты. Моя жизнь становилась быстрее, и уже не было времени читать книги по нескольку раз. Художественная литература, фильмы, музыка стали для меня способом выпасть из современного мира, расслабиться, потреть. Потерялись те чистые чувства, вместо них пришли сентиментальность, впечатлительность и все эти поверхностные фальшивые эмоции, на которых строится частно-общественная жизнь.

Я потерялся, а вы предлагаете мне второй шанс.

– Если книга тронет меня, мне нужно читать ее снова и снова, замечать детали, я переплетаю ее с моей собственной жизнью, сближаюсь с героями, учусь распознавать человеческие типажи. Такая книга отражается на моей жизни, моих страстях, поведении, болях и радостях. Я меняю сюжет, создаю собственный, мои фантазии и реальность сливаются. Я погружаюсь в транс, мне нужно быть осторожной, я оказываюсь на краю.

– Ведь вы там постоянно, – добродушно уколел Ричард. – Вы – мой лучший учитель литературы.

– Что вы имеете в виду?

– Когда я слушаю вас, мне хочется бросить все и бежать читать, соединять, проживать, понимать, писать. Ваша любовь к книгам меня восхищает. Это удивительно здорово, быть рядом с вами.

– Наконец-то правильный комплимент! Женщинам нужно слышать это, тогда они исполнят все ваши желания и отдадут за вас жизнь. На мгновение вы сделали меня счастливой, и я никогда этого не забуду. – Виктория повернулась к Ричарду и мягко погладила его по волосам.

– Вы должны найти свою рыжую красавицу, она – ключ к тайне, нужно всего лишь правильно спросить, – сказала она таинственно.

Ричард посмотрел на нее, и у него закрались непонятные подозрения. *Что-то здесь слишком странное.*

ЖАЖДА ВОЗМЕЗДИЯ

Кто ищет возмездия?

*Те, кто хочет оставаться в посредственном совместном существовании,
инертном равнодушии, бесконечном соперничестве
и противоестественной заботе государства.*

ВИКТОРИЯ И РИЧАРД В ЯФФЕ

Когда ты будешь свободен в своей душе, будешь уважать свободу других, тогда будешь жить в свободной стране.

Был полдень, дождь уже прекратился, сильный ветер сменился на легкий бриз, но волны на море были по-прежнему высокими. После долгого сна Виктория и Ричард вновь чувствовали себя свежими. Они сидели в уютном ресторане «Алладин» и наблюдали, как вдали перекатываются волны.

– Яффа, в переводе значит «красивая», – один из самых старых портов мира, еще царь Давид использовал ее, сегодня, однако, она уже скорее арабская. Каждый восьмой в Израиле считает себя арабом, обе религии живут здесь с незапамятных времен. Вы когда-нибудь плавали по морю?

– Никогда, с удовольствием бы когда-нибудь попробовал.

У Виктории заблестели глаза, она отломала кусок питы и набрала на него хумус.

– Некоторые блюда, к счастью, и спустя тысячи лет остаются такими же. Здесь отлично готовят. – Она подняла руку и показала на ближайший минарет. – Аль-Бабр – морская мечеть. Недавно верхушку минарета модернизировали, его старый облик с деревянной галереей и красным фризом из черепицы мне нравился больше, что-то напоминал. Вы знаете, что поют муэдзины, когда созывают всех на молитву?

– А разве это не просто звуки?

Виктория покачала головой.

– Короткая молитва, ничего выдающегося, кроме одного восклицания – «спешите к спасению», – это ли не прекрасно? Ведь когда я ее слышу, у меня кровь стынет, и я взываю к совести – когда в последний раз я сделала что-то полезное...

«Спешите к спасению – что под этим подразумевается?» – подумал Ричард. Тут он заметил, что на него пристально смотрит маленькая девочка с двумя темными косичками в белом платье и красных туфельках. *Что-то случится, знаю это чувство.* Он осмотрелся. В центре небольшой комнаты висела огромная зеленоватая люстра. Должно быть, очень старая, выкованная вручную, она напоминала детский волчок, который внизу заканчивался золотым горшком. Очевидно, в нем стояла свеча, которая подсвечивала огромную люстру. Ее пузатая красота вызвала в Ричарде детскую фантазию. В верхнем углу помещения он увидел старое изображение Яффы. Минарет на ней выглядел точно так, как Виктория его описала. Сколько раз она должна была побывать здесь, чтобы ей врезалось в память такое изменение? Ричард прикрыл глаза...

Вместо столовой появилась детская комната. Изображение Яффы ожило. Символ полумесяца на самой верхушке минарета заблестел, красный фриз крыши над галереей расширился настолько, что выглядел как гусарский кивер, балочные опоры превратились в черные блестящие волосы, а входные двери стали продолговатыми деревянными губами. Каменная мечеть переменялась в военную шинель. Зазвучала знакомая мелодия. С картины сошел деревянный солдат и встал по центру помещения. Девочка с косичками соскочила со стула, подбежала к солдату и схватила его за руку. Ричард крепко сжал ее, и девочка превратилась в девушку с темно-рыжими волосами.

– Кто ты? – спросила она его с любопытством.

– Ричард. А тебя как зовут?

– София. Ты настоящий или лишь воображаемый?

– Настоящий и воображаемый. Это зависит от того, как ты меня видишь.

– Ты красивый, но в действительности я бы тебе этого никогда не сказала.

Грозная люстра растянула горшок вниз так, что получилась форма мышинового носа, за люстрой выросла голова с короной. Огромная мышшь соскочила на пол.

– Сражаться бессмысленно, сдавайся! Вся Яффа полна моими солдатами, – проворчала большая мышшь.

– Пардон, за что, собственно, идет борьба?

Мышь вытянула шею и встала на задние лапы.

– Я – король, я должен бороться, чтобы удержал власть и страх в своих подданных. Если этого не сделаю, они растерзают меня или найдут себе другого.

– А почему в таком случае не передашь корону кому-то другому и не уйдешь?

– Ты наивен, солдат, кто однажды дорвался до власти, служит только ей.

– Зачем она тебе нужна? Ведь ты богат, у тебя есть все.

– Власть служит моим интересам, охраняет мои привилегии, с ней я становлюсь богаче.

Что ты за солдат, который не хочет сражаться?

– Я свободен, у меня нет причин сражаться.

– За идеалы справедливости, защиту слабых, сражайся против зла и насилия. Сражайся против меня, если победишь меня, станешь знаменитым, установишь демократию, или как это называется.

– Я не хочу быть знаменитым и могущественным.

– Наивный! Мы все одинаковые, никакая мораль, воля, вера не удержат власть в узде.

Пойми, в нас это заложено, каждый, кто получит хотя бы маленькую власть, последний клерк – если будет возможность, применит ее. Общество не знает другого деления, кроме как на «избранных», которые могут все, и «толпу», которая просит немного жратвы и свободы. В тебе есть жажда управлять, приоткрой калитку, дай ей шанс. Придумай вескую причину, найди большую идею, предлог, ради которого будешь с радостью убивать и ненавидеть, поверь, это опьяняет. По сравнению с этим все человеческие наслаждения смешны, потому что временны, а жажда власти и ее удовлетворение предоставляют тебе наслаждение и возбуждение на целую жизнь.

– Ты прав, но я также знаю, каков бывает конец, от расплаты собственной душой никогда не избавиться.

Тем временем за королем собралось войско, готовое к бою. Мыши с ужасающим оскалом клыков, суетливые из-за того, что им не с кем сражаться, временами бросались друг на друга и причиняли увечья. Их недовольство и желание крови росли.

– Если победишь меня, спасешь всех от моего террора, люди станут свободнее. Сражайся! – призвал взбешенный король.

– Откуда ты знаешь, что люди хотят свободу, а не твердую руку переросшей ненасытной крысы? Если одержу над тобой победу, возможно, на определенное время они вздохнут с облегчением, но рано или поздно поддадутся своему эго, как и кто-либо другой. Бой – это потеря времени.

– То, что ты говоришь, – страшно, ты отбираешь у моих солдат идеалы, они хотят пасть за своего короля, победить и установить мир. Посмотри – моя армия зла на то, что ты не хочешь сражаться.

– Твои солдаты лишь надеются, что отхватят для себя часть твоих денег и власти. Они лояльны, только когда это им что-то дает. Признай это.

Отчаявшийся король неожиданно обнажил меч и проколол солдату сердце. «Ничего личного, но без идеалов ты все равно не можешь существовать». Кровожадные мыши ринулись на его тело, тысячи зубов впилась в него. Пока не потерял сознание от боли, он успел подумать: «Имела ли моя смерть какой-то смысл?»

Он открыл глаза, боль исчезла. Рядом с ним сидела девушка с темно-рыжими волосами.

– Ты хотела, чтобы я умер?
– Мне показалось это романтичным. – На щеке Софии появилась слеза.
– Почему же тогда я жив?
– Я не смогла. Когда король заколол тебя, я превратила его в маленькую мышь, а вместо ножа он уколол тебя булавкой, – улыбнулась София между слез. – Ты злишься на меня?
– Ведь ты спасла меня, а я не хотел ни сражаться, ни даже тебя спасти.
– Это неправда, ты знал, что лишишься жизни, ты сражался словом мужественней, чем кто угодно мечом. Твои слова изменили историю. У тебя свободная душа, и скоро ты меня найдешь.

Помещение снова превратилось в знакомую комнату, люстра и картина вновь оказались на своих местах. Ричард посмотрел на девочку с косичками и улыбнулся ей. Она слезла со стула, подбежала к нему и подала маленькую плюшевую мышку с короной на голове. Ричард взял ее, поставил на угол стола и писклявым голосом сказал: «Я-я-я-я мышинный король». Девочка засмеялась.

– София, не приставай к мужчине, мы уходим. – Девочка взяла обратно игрушку и убежала к дверям к маме. Та оглянулась и помахала.

Удивленного Ричарда вернуло к действительности внезапное громкое монотонное пение из рупора.

– Это та самая молитва? – спросил он.

– Слушайте! – настоятельно ответила Виктория.

Ричард уселся поудобнее и прикрыл глаза. Сумбурные мысли и вопросы непослушно бегали туда-сюда, однако монотонное пение муэдзина как будто их упорядочивало, делало возможным внутреннее видение. *Я наконец-то начинаю понимать женский мир?* В этот момент Виктория взяла его за руку и немного сжала ее. Мир реальности и грез вновь соединился.

Недавно ей исполнилось шестнадцать. Она сидела верхом на коне и оглядывалась вокруг себя с маленькой песчаной дюны. Была ночь, неподалеку постепенно утихала Яффа, в которой еще несколько минут назад она пила вино с друзьями, только несколько огоньков поблескивали то тут, то там. Теплый морской воздух дул ей в лицо и нес в себе запах гниющих водорослей, смешанных с ароматом морской соли. Девичьим взглядом она принимала мир с настоящей открытостью, но и уязвимостью. Ее терзало нечто неуловимое, она чувствовала, что за этим стоит, но отказывалась это признавать.

– Саломея, поторопись вниз, к нам. – Юноша с девушкой как раз галопом доскакали к морю и махали ей.

– Уже иду! – закричала она и с любовью обняла шею своего коня, тот радостно замотал головой. Она поражалась его мощи, мускулам, лошадиной гордости, замечала его настроения и радости, чувствовала их взаимную гармонию. Она легонько хлестнула его, и он стал осторожно спускаться по рассыпающемуся песку, чтобы не уронить свою госпожу. Еще до того, как они оказались на пляже, парочка сбросила с себя одежду и забежала в море. Она соскочила с коня и стала медленно раздеваться. Любовные игры этих двоих причиняли ей все больше и больше боли. Она с ревностью наблюдала, как юноша иногда слегка целовал девушку, гладил по груди, а она отвечала тем, что прыгала в новую волну. Почему? Ведь Ирод – ее брат. Она завидовала ему то, что у него была девушка, в то время, как у нее никого не было? Почему она хотела бы быть в объятиях своего брата? Неужели она любила его не как сестра, а как женщину? Неужели она странная, ненормальная, нарушила заповеди? Как же так, что в своих фантазиях она обнимается с Иродом и страстно любит?

Юноша с девушкой выбежали на берег и улеглись на мелкий влажный песок. Их взаимные поглаживания усиливались. Неожиданно девушка посмотрела на нее.

– Саломея, ты так красива, иди к нам. – Та сконфуженно сделала пару шагов и улеглась рядом с девушкой. Ирод встал на колени, его эрегированный член придавал обоим больше смелости. Их любовное возбуждение и поглаживания усилились. В тот момент она была счастлива, наконец-то ей не нужно было искать предлог, чтобы прикасаться к своему брату.

Ирод вновь опустился на колени, поднял ноги девушки и засунул член ей во влагалище. Детские любовные игры наполнились страстью, все трое были опьянены наслаждением и блаженством. Все достигло кульминации, удовлетворенный Ирод лег между девушками и продолжал наслаждаться их ласками.

Откуда-то закралась грусть. Она почувствовала себя обманутой, раненой, использованной. Он забыл про нее. Желая это изменить, она села на Ирода и постаралась всунуть его нестоящий член во влагалище. Он мягко оттолкнул ее.

– Ты все же не можешь спать с братом. – Он и девушка снова засмеялись. Ирод прижал девушку к себе и вновь засунул свой эрегированный член.

Это было глубокое унижение, брат обидел ее, отверг, она никогда ему этого не забудет. Опьянение от вина быстро сменилось трезвением. Она встала и вбежала в море. Высокие волны играли с ней и помогли вернуть радость от собственной жизни. Однако где-то глубоко вместо девичьей, эгоистичной любви зарождалась ненависть, жажда отомстить, забрать его мужское тщеславие. Невидимая рука мгновения определила ее жизненную миссию.

Пение стихло, и Виктория медленно освободила руку Ричарда. Интимность, с которой Виктория открыла свою глубокую тайну, не позволяла ему совершить маломальское движение, произнести хоть слово.

– Ричард, посмотрите на меня, я должна вам кое-что объяснить, – сказала настойчиво Виктория.

Она развернулась и посмотрела в его затуманенные глаза.

– Я не знала, что случится, – эта история возникла сама собой.

– Это не был ваш замысел? – отважился спросить Ричард.

– Я бы постеснялась пустить вас так глубоко.

– Вы не знали, почему Саломея стала такой жестокой и бесчувственной? – Мороз пробежал по телу Ричарда. Пожирающая ненависть преследовала его, даже когда он перестал быть Иродом. Его отношение к Саломее, однако, стало иным, более мягким, понимающим.

– Я думала, что из-за дворцовой скуки и интриг всего лишь вырос разврат. Сейчас вы знаете, что во мне, так же как и я. – *Боже, что мне нужно сделать, чтобы простить себя.* Виктория протерла морщинистое лицо и стерла влагу с век. – Во мне росла ненависть, и я подпитывала ее каждой новой жертвой. Я удовлетворяла себя этим, чувствовала радость от каждой его боли, моя человечность исчезла. – Она убрала волосы назад, как будто бы хотела еще больше подчеркнуть чувство вины. – Люди думают, что ненавидят, но, по сути, они всего лишь равнодушны или завидуют, но Саломею пожирала ненависть. Это было больно, жестоко, но при этом величественно, потому что по-настоящему ненавидеть можно только кого-то исключительного, в плохом или хорошем смысле, и моя ненависть была подлинной.

Неожиданно на стол упал и отразился луч солнца. Ричард прищурил глаза.

– Девичьи переживания и чувства мне кажутся более взаимосвязанными и сложными, чем юношеские. В шестнадцать лет я мечтал о приключениях, успехе и голых девчонках. Любовные разочарования беспокоили меня пару дней, но после их перебивали новые вещи, меня не интересовали отношения. Что от Саломеи сохранилось в вас?

Виктория глубоко вздохнула и сморщила лоб.

– Глубокий стыд и вина, которая меня пожирает, иногда, однако, вновь и вновь по какой-то причине возвращается жажда мести. Я учусь постигать зло, понимать, где оно появляется,

справляться с ним, но пока это выше моих сил. Саломея не хотела быть плохой, но все же поддалась злу.

– Вы думаете, зло можно устранить?

Виктория удивилась.

– В смысле «исключить»? Европейская цивилизация этим одержима. Нам кажется, что зло размолото всюду вокруг нас и государство старается внушить нам, что законы, санкции, ограничительный аппарат смогут его «локализовать, вырезать, уничтожить». Смешно! – зашипела она с пренебрежением и добавила грубый жест рукой.

– Все же люди этому верят, живут в иллюзиях, что существует объективная справедливость. И я ее постоянно добиваюсь, – ответил Ричард с самоиронией.

– **Настоящее зло берет начало в незрелости, непонимании сути жизни, в отказе от поиска смысла собственного бытия.** По-настоящему плохой человек, а таких мало, способен сосредоточиться, обладает невероятной энергией, без конца развивает свою способность использовать в свою пользу все что угодно. Он невероятно созидателен и тщателен в делах, касающихся вреда людям и обществу. Этим он обеспечивает себе прилив наслаждения от возмездия, превосходства, ненависти. Ненависть – его наркотик, дозы должны постоянно увеличиваться. Мне тяжело об этом говорить...

– Меня это манит...

– Я не удивлена, это упоительно, в вас растет недоброжелательность, злопамятство, когда вы задаете злу направление, оно становится разрушительной силой. Огромная энергия! Ее, однако, можно использовать и в позитивном смысле – преобразовать, материализовать ее во что-то созидательное, исключительное.

– Иногда мне хочется мстить, я перестаю доверять и придумываю, как бы мне использовать систему для своей выгоды, потому что я вижу, что так делают все вокруг.

– Пока вы не понимаете настоящее зло. Вы, как и многие люди, ругаетесь, но больше ничего не можете, потому что лишь немного завидуете тем, у кого, как кажется, более легкая и счастливая жизнь. Вы – маленький человек, Ричард, паразитируете на обществе, никогда не делаете что-то просто так, ждете, пока тирания, коммунизм, нацизм приведут к трудностям, а потом вы с радостью присоединитесь. Люди как вы с тем же энтузиазмом поднимают руки за демократию, как за несколько лет до этого за автократию. Такие люди, собственно, не живут, они находятся в чем-то вроде «зала ожидания» жизни. Они не способны по-настоящему любить или ненавидеть. Они работают без любви и страсти, немного радуются, все вокруг лишь как будто. Они без конца жалуются на государство, чиновников, непрозрачную сеть ведомств, учреждений, на каждую глупость и деталь реагируют чересчур рьяно. В действительности же они ленивы, безучастны, поверхностны. Они инфантильны – с виду недоверчивы, соглашаются на быстрые оценки, осуждают, отказываются, закрываются, чтобы впоследствии опровергнуть, изменить показания. К таким относитесь и вы. Наверное, вас можно называть современным словом «эпикурейский»⁶, для кого дураком является каждый, кто не онлайн, кто не знает, что только что случилось и куда знакомая ходила за покупками. Вам не нужно быть умнее, вы не хотите задуматься о себе, это слишком неприятно. Вы презираете состоявшиеся личности с твердыми убеждениями, обзываете их, сплетничаете, завидуете. Чем меньше у вас уверенности в себе, тем вы агрессивнее, завистливее, неудовлетвореннее. **Сегодня обществом правят поверхностные и незрелые люди, которые сотворили новый мир без ценностей.**

⁶ Философия Эпикура является противоположной философии Платона: она сосредоточена на мире, воспринимаемом органами чувств обыкновенного опыта, не признает науку об идеях и бессмертии души и придерживается мнения, иногда называемого «гедонизм», т. е. учение, согласно которому наслаждение, неважно – физическое или духовное, является единственной благодатью.

– Ради бога, замолчите! Я знаю, что вы проверяете, что я выдержу, но ваши слова вызывают во мне жажду настоящего зла. Это безнадежно! Ничего из того, что вы сказали, я не хочу признавать, но чем больше обманываю себя, тем больше мое «я» смеется надо мной.

– Это еще не все, Ричард, – эмоционально отреагировала Виктория. – Вы живете в мире, где у людей нет права думать самим, для этого есть государство, законодатели, политики, эксперты, специалисты. Индивидуальности всего лишь зажаты в роли принимающих знания, включаемых в систему. Кто сопротивляется, тот должен быть уничтожен, погублен, ликвидирован, исключен. Вы уже понимаете, почему каждый, кто открыт настоящему знанию, должен скрывать свои убеждения, учиться в тайне, состояться как личность в тишине, а главное, не трубить по миру обо всех своих умениях?! Вы должны пережить зло в себе – встретиться с ним и победить.

– Я хочу этого!

– Это прекрасно! Нельзя его долго скрывать, оно само себя очень быстро выдаст. Кроме того, оно является и движущей силой. Люди как вы проживают свои чувства как будто, и они далеки от настоящих эмоциональных волнений. Если вдруг они у человека появляются, он старается быстро от них избавиться, заглушить вместо того, чтобы начать задумываться о себе.

– И зачем мне такой мир – всего лишь театр!

– Это зависит от вас, Ричард – можете вести себя как Сократ, который всем вокруг себя демонстрировал свою исключительность и был способен противопоставить себя всему обществу, превзойти самого себя и смог за свое дело умереть. То есть сделал именно то, что люди, наслаждающиеся физическими или духовными блаженствами, считают глупостью и оскорблением общественности. Вы хотите принести себя в жертву, как он? Или как Аристотель, который не зазнавался, не провоцировал? Состоявшийся человек был для него прежде всего активным, действенным, созидательным индивидуумом, для которого не счастье являлось целью, а возможные результаты его терпеливой ежедневной активности, сосредоточенности на конкретной жизни, чьим смыслом было открывать, познавать, преодолевать. Люди будут считать вас сумасшедшим – достаточно всего лишь делать вид, притворяться, что я ученый, учитель, врач, но заниматься самим собой? Ведь я это делаю! Спорт, отдых, секс, развлечения, хорошая еда, фильм, книга – наслаждаться, ведь в этом смысл жизни. Эпикуреизм пустил в нас глубокие корни. Суррогаты современной жизни ввергли нас в забвение.

– Если я испытаю настоящее зло, смогу ли я вернуться? Саломея смогла?

– Возможно, – уклончиво ответила Виктория.

– У Ирода есть надежда, что он будет прощен и Саломея однажды спасет их обоих? – вновь спросил Ричард.

– Наверное, – ответила Виктория в сомнениях. – На следующие вопросы ответы будут получены позднее.

– Почему?

– Нам нужно разделиться – вы поедете в Александрию к Гипатии.

– Кто такая Гипа... – Ричард постарался повторить имя.

– Гипатия?⁷ Женщина, которая соединяла людей, несмотря на веру и убеждения, старалась предотвратить столкновение различных религий. Что-то подобное нас вновь скоро ждет. По ее мнению, существует только одна вера, в то время как институализированные, ортодоксальные, радикальные религии являются лишь формами власти, которой нужно держать своих овец в неведении, фанатизме и ненависти к другим верам. Ее ученики скрываются и сегодня.

– Я не удивлен, – согласно кивнул Ричард.

⁷ Гипатия жила в Александрии на стыке IV и V веков н. э. Она относится к крупнейшим философам Античных времен. Она пыталась остановить религиозный фанатизм между язычниками, христианами и иудеями. «Дорога к правде достигается лишь большим усилием души, физической скромностью и моральной чистотой».

– Она учила любить и искать мудрость, а не только простое сознание, отделенное от реальной жизни вокруг нас. Мы – составляющие вселенной, чем больше мы ее понимаем, чем больше мы с ней контактируем, тем больше нам открывается, разрешается обнаруживать и познавать.

– Если Гипатия вас этому научила, я с радостью стану ее учеником, конечно, если она не будет против.

– С чего вы взяли, что она обучала меня? – недобро процедила сквозь зубы Виктория.

– Я вас обидел?

– Нас может учить кто угодно, кого мы слушаем.

– Она похожа на вас?

– Откуда этот сарказм?

– У меня хороший учитель.

– Ричард, хватит! Я буду ждать вас в Татеве.

– Это определенно где-то в России, – сострил Ричард.

– В Армении, на Кавказе.

– А что с вашими преследователями? Я боюсь за вас, – Ричард моментально сменил тон. Виктория посмотрела ему в глаза, почувствовала настоящее опасение, и это ее обрадовало.

– Вы действительно стараетесь. Сначала меня похвалили, теперь проявляете настоящую заботу. Меня они не тронут, но они угрожают вашей миссии.

– Миссии? – удивленно выдохнул Ричард и осознал, насколько мастерски Виктория перехватила нить разговора. – Я об этом ничего не знаю, конечно, если речь не идет о тайне камушка.

– Вы не знаете деталей, но догадываетесь. Я не могу навязать вам иную миссию, чем та, к которой двигаетесь вы сам. Я могу лишь ускорить ее.

– Вы о ней знаете, в то время как я всего лишь догадываюсь!

– Это как с изменой – обманутый всегда узнает о ней последним, – ехидно заметила Виктория.

– А что, если я откажусь, не оправдаю доверия или предам? Это случайность, что я встретился с Джоном. – Ричард почувствовал давление ответственности. *Ведь это именно то, чего он хотел! Нести ответственность за что-то важное, что придаст его жизни больший смысл.*

– Случайность! – зло крикнула Виктория, резко взмахнула рукой и левой ладонью задела чашку с кофе. Та несколько раз перевернулась в воздухе и с шумом упала на соседний стол. От страха элегантная брюнетка подавилась куском и начала задыхаться. Ее спутник, седовласый моложавый мужчина около пятидесяти, спросил: «Are you ok? – С тобой все нормально?»

«No. – Нет», – придушенно прошипела женщина. Мужчина небрежно встал и несколько раз легонько похлопал ее по спине. «Better? – Лучше». Женщина, однако, потеряла сознание и сползла на землю. Виктория резко встала, схватила ее сзади, обняла под животом, сильно надавила и с невероятной легкостью приподняла. Непрожеванный кусок вылетел на землю, женщина громко закашлялась. Виктория понаблюдала за ней и, когда увидела, что кашель утихает, посадила обратно на стул.

Женщина еще несколько раз кашлянула, схватила бокал с вином, выпила и встала. Она незаметно стянула вниз черное облегающие платье, которое еще больше подчеркивало ее элегантность, и подала руку Виктории. «Thanks a lot! – Большое спасибо! Меня зовут Наталья, а это мой муж Матис. Мы можем пригласить вас на бокальчик?»

Виктория с Ричардом подсели к столу. Мужчина без энтузиазма подал им руку и уселся назад в кресло.

– Вы странная пара... – сказала без какого-либо вступления Наталья и даже не собиралась продолжать.

– Вы имеете в виду разницу в возрасте? – независимо ответила Виктория.

– Ни в коем случае, вы не пара, – засмеялась Наталья, и Ричард мгновенно вспомнил русоволосую девушку на Старом Арбате в Москве. – В вас есть нечто необузданное, животное. Я с самого начала заметила вас, ваша мелодия таинственна, дика, угрожающа.

– А вы, очевидно, известная, одинокая и несчастная женщина. Русская душа в миру страдает, – без обиняков продолжила Виктория.

– Само собой, что известная! Она входит в число лучших пианисток в мире.

– Прекрати, – сказала брюнетка и грустно взглянула на своего спутника. – Откуда вы узнали, что я русская?

– Ваш типичный шарм вас выдал: вы напоминаете мне одну «чародейку» из Санкт-Петербурга, это было давно, – заметил Ричард и с радостью принял несколько молний, посланных Викторией.

– Я родом из Санкт-Петербурга! Вы из России? – спросила Наталья по-русски.

– Только я, – также на русском ответила Виктория и продолжила по-русски: – Ваш спутник завидует вам, он одержим славой, ненавидит вас, пока еще слабо, но его ненависть растет. Вы сможете разойтись?

– Я чувствую это, он злобный, невоспитанный, без конца раздраженный, постоянно меня в чем-то упрекает. С другой стороны, он обо всем заботится, обеспечивает контракты. Он мне нужен. – Глаза Натальи заблестели, и она посмотрела на своего мужа.

– Он не любит вас, он не достаточно состоялся, чтобы принять вашу любовь. Если вы не уйдете, его зависть превратится в ненависть. Лучше закончим с этим. – Виктория встала и продолжила по-английски: – Благодарим за приглашение, но нам уже нужно идти.

Перед выходом Ричард оглянулся, заметил ледяной взгляд мужчины, и его пробрал холод.

Они сделали несколько шагов.

– Подождите! – Оба они обернулись. Брюнетка догнала их. – Я могу немного пройти с вами?

– Конечно, – ответил Ричард.

Виктория незаметно кивнула головой и зашагала вперед, за ней последовали Наталья и Ричард.

НАТАЛЬЯ, РИЧАРД И ВИКТОРИЯ НА ПЛЯЖЕ

Путь к смерти непрост, он ведет не удобной дорогой, а сквозь собственный центр, который касается света.

Трое покинули древнюю Яффу и отправились в город. Справа поднимались многоэтажки, слева тянулся широкий, длинный пляж. Они прошли около шумного пляжного ресторана, стоящего на песке, повеяло ветром, несущим аромат свежего кофе и еды. Неподалеку был почти пустой пляж, они сели в тени соломенного зонтика. Ричарда манили русское аристократическое очарование Натальи, аромат незнакомых духов, немного пряный от запаха сильного женского тела. *Она неотразима! Чары женской красоты – они реальны или это лишь шаблон, навязанный обществом? Моя способность замечать прекрасное врожденная? Ее можно развивать? Определенно! Вокруг меня столько прекрасного, что я задыхаюсь.*

Ричарда охватила неопишуемая радость, мир прекрасен – песок, небо, море, – внезапно он кажется себе обнаженным, уязвимым, но в то же время воодушевленным. Он открыл новый, до сего времени скрытый мир – мир, который прекрасен в каждый момент его жизни. Он почувствовал глубокий покой внутри. Пусть случится что угодно, с этой минуты он будет относиться к этому как к подарку. С открытым сердцем он взглянул на Наталью. Та слегка кивнула и начала рассказывать.

Мои родители выросли в Советском Союзе, но, несмотря на это, от предков у них остались некоторые аристократические привычки. В воскресенье после обеда к нам регулярно приходили гости пить чай с тортом. Мама играла им на пианино и пела. Уже в четыре года ее игра меня огорчала, она не была фальшивой, но «нечеловечной». Я чувствовала, как занавески тянулись к себе, ковер вдавливал свои ворсинки как можно глубже, несчастный пес прятал хвост и скулил. Вся квартира страдала от ее игры так же, как я. Она относилась к типу людей, которые учатся только умом, по существу и безучастно.

Однако фортепиано меня привлекало. Кажется, мне было пять лет, когда у меня впервые получилось приподнять крышку. Я торопливо сунула под нее хрупкие пальчики, я хотела услышать приятные звуки, но крышка упала и прищемила мне пальцы. Зазвучало несколько тонов. Я уже начинала плакать, когда пианино зашептало: «Еще, еще, не бойся...» Я вновь уперлась в крышку, и в этот раз она откинулась назад. Я сыграла несколько нот и услышала мелодию – кто-то направлял мои руки. Я чувствовала музыку, видела ее, она проходила по моим пальцам, и они ее принимали – легко, без усилий и стараний. Откуда-то они знали ее.

– Дорогой, подойди скорее сюда! Наша дочурка играет на пианино.

Я обернулась и виновато улыбнулась. Мама выглядела такой счастливой.

– Найдем ей преподавателя, посмотрим, действительно ли она этого хочет, – строго, но с любовью сказал отец.

– Извините, но я не буду учить вашу дочку играть! Она упрямая, отказывается учить технику, гаммы, подчиняться дисциплине.

– Но ведь она с утра до вечера пикирует какие-то мелодии, – вяло сопротивлялась мама.

– Это делает каждый ребенок, но талант познается в тяжелой работе. Ваша дочь недисциплинирована, очевидно, она еще маленькая.

– Вы хотели сказать – избалованная, – строго сказал отец и открыл дверь моей комнаты. – Наталья, подойди сюда, я знаю, что ты слушаешь. Почему ты не делаешь то, что от тебя хочет преподавательница? Ведь ты любишь пианино.

– Мне неинтересно, как она учит.

– Это лучшая преподавательница в городе! Ты не можешь играть просто так. Знаешь, сколько вещей должен делать я, хотя они мне и неинтересны?

Моя вторая преподавательница была выдающейся. Мы часами вместе соединяли звуки, аккорды, мелодии – без нот и упражнений на гаммы.

– Лишь слушай клавиши, ищи, не бойся делать ошибки, вложи в это всю любовь, стань продолжением руки фортепиано, и оно полюбит тебя, позволит тебе все.

– Почему некоторые звуки сопротивляются мне?

– Каждый звук – это личность с правом на самоопределение – если ему что-то не нравится, он это открыто демонстрирует. А теперь сыграй мне что-нибудь свое, твоя игра заряжает меня, а сейчас во мне как раз мало энергии.

– Кто-то вас обижает?

– Нет, просто мне уже неинтересно учить детей без таланта и настоящей заинтересованности. Ты полностью поменяла мою жизнь.

– Почему наша дочь не может выступить на школьном концерте, как все остальные? – спросила мама, когда преподавательница пришла в одно из воскресений к нам в гости.

– Она еще не знает нот, играет, как слышит, она не может сыграть несколько раз конкретное произведение.

– Как это возможно? У нее нет задатков? Ведь дети в ее возрасте играют и более сложные вещи, – спросил отец, с трудом скрывая свое расстройство. Он представлял себе, как будет хвастаться мной, демонстрировать, чего достигла его дочь, соревноваться с друзьями, знакомыми в том, чей ребенок более талантлив, добросовестен, прилежен.

– У Наташи большой талант, она умеет беседовать с пианино, мелодия всегда идет из ее маленького сердечка, создает собственные последовательности и вариации. Ее пальцы играют сами по себе, я еще не учила никого похожего. Стандартное обучение уничтожило бы ее способности, я чувствую огромную ответственность за нее. С мушкетрой дети достигают многого и быстрее, но без собственного творчества и отношения они становятся лишь меланхолическими исполнителями. Большинство учителей мушкетруют их только для того, чтобы угодить родителям. И я к ним отношусь, но сегодня, с вашей дочерью, я не могу по-другому, потому что она слишком талантлива.

– Мы верим вам, да? – умоляюще повернулась мама к отцу. – Она определенно будет играть и петь, как я. – Отец слегка кивнул головой.

Свой первый большой концерт с Ленинградским симфоническим оркестром я отыграла, когда мне было двенадцать лет. Ровно двадцать шесть лет назад! Я вообще этого не понимала – я все делала для своих родителей. Тогда отец в первый и последний раз похвалил меня, я всю ночь плакала от счастья, настолько я жаждала его одобрения. Строгость и грубость моего отца, однако, увеличивались, вероятно, он ревновал, по-прежнему боролся со мной, оскорблял, смеялся надо мной.

Как-то вечером он пришел пьяный, мама ушла в ночную смену, а сестра Юлия уехала на каникулы к дедушке и бабушке за город. Я репетировала Трансцендентные этюды Ференца Листа. Я была в экстазе, и это спровоцировало моего отца. Он встал позади меня и слегка коснулся моих плеч. Я испугалась и перестала играть.

– Пожалуйста, продолжай, это восхитительно, – сказал он. В его дыхании чувствовалась смесь алкоголя, чеснока и мяса, но в его словах было что-то очень нежное и похотливое. Однако я любила его и поверила его словам. Я продолжала, он погладил меня по плечам, это было мучительно.

– *Играй, прошу, – его голос внезапно наполнился яростной страстью и настойчивостью. В напряжении я продолжала. Он не удержал равновесие и свалился на меня, мы упали на пол. Он лапал меня. Я ожесточенно сопротивлялась и сильно пинала его в живот. Он закричал от боли. Это напугало меня.*

– *Отец, что с тобой?*

– *Я сделал тебя известной! Ты все это делаешь для меня, я знаю это! – он довел меня до слез. – Иди ко мне, не бойся, я лишь хочу обнять тебя, я люблю тебя.*

Я убежала в свою комнату, отец не пришел и ближе к утру я заснула. На следующий день он вошел ко мне. «Прости, Наташа, я был пьян». Он протянул руку, чтобы погладить меня, но я отскочила. Никто из нашей семьи никогда не узнал, что тогда между нами случилось.

В пятнадцать лет меня взяли в музыкальную школу-интернат для одаренных. Школа и освобождала, и ранила. Я чувствовала себя свободной, но одновременно покинутой. Я неистово погрузилась в музыку, играла с утра до вечера, экспериментировала, сочиняла, засыпала за пианино. Мои руки все время болели, спина, суставы и мышцы на руках регулярно сводило судорогой. Я плакала от боли и вместе с этим проживала блаженные моменты. Это было самое счастливое время в моей жизни. Быть известной никогда не было моей мечтой, скорее умереть в музыке, в мелодии, которая настолько ласковая, проникновенная, отзывчивая. Ей ничего не нужно от вас, она лишь отдает. Моим самым большим желанием было слиться с ней.

Я получила мировую известность, ездила по всему свету, мой ежедневник был забит. Я была на вершине, когда заболел отец. Я не знала, как мне следует поступить. В итоге во мне победила ответственность, и я прилетела в Санкт-Петербург и навестила его в больнице. Он выглядел ужасно, несмотря на то, что ему давали морфий, он мучился от болей. Он почти не пошевелился, когда увидел меня, но где-то внутри моего сердца прозвучала тихая, тоскливая, слабеющая мелодия.

– *Все плохо, – прохрипел он.*

– *Ничего не говори, – сказала я и взяла его за руку спустя продолжительное время. Мое лицо неудержимо напряглось, по всему телу раздавались долгие тяжелые звуки, и мои мысли разбежались. До этого момента жизнь была черной дырой, я что-то отдавала, а мне ничего не возвращалось. Успех? Что это? Успех – это мало, он не сделает меня счастливой. Я хотела любви, а вместо этого мне доставались удары. Но что это такое – настоящая жизнь? Это лишь настоящие чувства? Ведь были моменты, когда я чувствовала внутри что-то большое, что было выше меня. Хриплый слабый кашель вернул меня к действительности.*

– *Я должен тебе кое-что сказать, пока не умер. Я пожертвовал тобой. Твоя мать всю жизнь хотела быть известной пианисткой, но мы оба знаем, что ее игра чудовищна. Я хотел, чтобы ты ей это возместила, я играл в строгого отца, который будет для тебя главной инстанцией, но, к сожалению, ничего не вышло. Сначала моя строгость была наигранной, но она быстро приросла к коже, я утешал себя тем, что чем злее и противнее буду, тем больше будет расти твоя любовь к музыке и жажда однажды услышать от меня похвалу. Наташа, ты играешь так, что у меня перехватывает дыхание, у тебя феноменальный талант и воля, но теперь ты уже ничего не должна доказывать, я люблю тебя и буду любить, даже если ты вообще ничего не добьешься, если не будешь играть, что бы ты ни сделала, я буду тебя любить. Играй, чтобы дарить радость себе и людям. Забудь про совершенство, твой отец желает тебе, чтобы ты нашла настоящее собственное желание и шла к нему. – У него затряслась рука, и пальцы начали танцевать. Мой отец, должно быть, играл на пианино! Это невероятно, но его пальцы летали туда-сюда, и я почувствовала самую любимую мелодию. Я положила голову ему на руку. Это так тяжело, понять отношения отца и дочери,*

это так тяжело для него настоящие отношения, это так тяжело любить и не переступить черту... Отец перестал играть.

– Господи, прости мне мою надменность быть богом в отношении моей дочери, теперь я могу спокойно умереть, потому что единственное, что мне сохраняло жизнь, было надеждой, что я избавлюсь от своего проклятия, твоей зависимости от милосердия отца.

Я приходила к нему каждый день и рассказывала о себе, ничего другого он слышать не хотел. Единственная вещь, которую и сейчас помню из того, что он говорил: «В тот момент, когда я схватил тебя за плечи, нет, подожди, выслушай, не отказывайся. Помни, что в черном может оказаться и белое. Ты играла так прекрасно, что мной полностью одолели эмоции, я не владел собой – мне стыдно за свою ошибку, но, в то же время, это было самое глубокое впечатление в жизни».

Спустя неделю он умер. Это был самый большой удар в моей жизни, и я не представляла, что меня ждет. Пока отец был жив, я была убеждена, что я родилась для музыки, что могу быть счастливой, лишь когда сочиняю, что меня не интересует слава. Это было ложью!

Я не могла играть. Сначала я думала, что грющу по отцу, но это не было правдой. Музыка перестала быть для меня выходом. Я начала понимать, что без внутренней битвы с отцом становлюсь заурядным виртуозом, которому по-прежнему аплодирует толпа, но я уже знала, что это из меня не выходит. Я начала отчаиваться. Я потеряла единственный смысл жизни. Моя исключительность исчезла, вместо нее пришли фальшь и страх.

Потом я познакомилась с Матисом, он тоже был музыкантом, он понимал и успокаивал меня, говорил, что это все временно и все вернется на круги своя. Я влюбилась в него, и мне казалось, что я наконец-то встретила счастье. Я хотела, чтобы он любил меня за то, что я умею, чтобы был горд мной, ласкал меня и восхищался. Однако он стал меняться, смеялся надо мной, иногда относился ко мне как к илюхе. Это вернуло меня к музыке. Я вновь чувствовала и проживала ее глубину. Наши отношения ухудшились и однажды вечером, мы были пьяны, он отхлестал меня по щекам, потом содрал с меня все и, несмотря на мои протесты и сопротивление, удовлетворился. Мне стало понятно, что дальше так продолжаться не может. С утра я встала и начала собирать свои вещи. Он пришел ко мне и просил прощения. И тогда я все поняла. Я не способна жить свою жизнь! Я никто. Чтобы я чего-то достигла, кто-то постоянно должен меня угнетать, оскорблять. Отец, Матис, кто будет следующий? Бог наградил меня даром, но в то же время и наказанием. Так и должно быть? Что еще мне нужно понять, чтобы я могла умереть?

Матис мне безразличен, но я не хочу никаких новых отношений. Сегодня нет никого, кто бы мог меня настолько оскорбить, чтобы вновь возбудить бесконечную щемящую жажду проживать экстаз и ожидать похвалу «от отца».

Могло показаться, что смерть стала бы решением всего, но это не правда. Играя, я несколько раз перешагнула крайние пределы и очутилась «по ту сторону». Это было большое НИЧТО, я не понимала, что происходит, неуверенность, тьма и боль не покидали меня. Моя больная душа была полна неразберихи, страданий и все еще повторяла те же вопросы: кто я, что здесь делаю, как мне выбраться – где жизнь, что это здесь – ТЬМА, НОЧЬ для моей души. Я хочу выйти, я страдаю, Господи, помоги мне.

– У меня кончаются силы, каждая мелочь меня ранит, а светлых моментов становится меньше, – закончила свой рассказ Наталья. – Около вас звучат нежные звуки, из которых вырастает мелодия, гармоничная, сильная и притягательная, внутри вас, однако раскатистые удары, демонические звуки, приходит нечто новое. Этому невозможно сопротивляться, вы как будто ворота в мир, о котором я всю жизнь мечтаю. Помогите мне, пожалуйста. Главное, когда я буду там, где-то глубоко и одна. Я чувствую, что скоро это придет, но я боюсь, невероятно боюсь.

Послеобеденное солнце увеличилось и начало пылать. Было почти безветренно, море как зеркало, а пляж заполнялся по мере того, как люди возвращались с работы. Виктория постелила свою серую кофточку на песке, легла на живот, оперлась локтями, положила голову на руки и посмотрела Наталье в глаза. Ричард осознал, насколько она невероятно крошечная и худая, даже почти тощая.

– Попробуем для начала найти правду, открыто ее признать, какой бы она ни была. Вы готовы к этому? – спросила Виктория.

– Наверное, – ответила Наталья и, несмотря на жару, подсознательно прижала колени к себе и обняла их, как будто бы ей было холодно.

– Вам не нужны оскорбления, чтобы вы были успешной. Вы эгоистически влюблены в себя и свою музыку, вам не интересно ничто другое. Ваш отец беспомощно любил вас.

– Ведь он обижал меня! Как я могу в это поверить?

– Легко пожертвовать собой ради себя, но из-за любви пожертвовать собой можно только ради другого. Настоящая жертва не знает границ, она безмерна. Человек осознает последствия, и, несмотря на это, не может по-другому. Ваш отец умер из-за вас. Его тело, в конце концов, умерло из-за длительных страданий и упреков.

– Это невозможно!

– С первой минуты, как он услышал вашу игру, он знал о вашем таланте, он сам был выдающимся виртуозом. Он хотел, чтобы вы были счастливой и успешной. И все же у него не было духу раскрыть это даже перед смертью.

– Когда он говорил, что это все он делал ради моей матери, он лгал?

– Да, даже тогда он не хотел этого признать и пожертвовал собой. Он безгранично мужественный мужчина. Его душа задала себе задание, и он всю жизнь его выполнял. На земле не очень много индивидуумов, которые на это способны.

– Что я должна сделать? Внезапно я уже не жертва, а виновная. Это ужасно!

– Слишком легко советовать другим, понять себя тяжелее, я сама живу с чувством вины, от которого не знаю как избавиться, – неуверенно сказала Виктория.

– Что мне нужно изменить? Что бы это ни было, я приму это. – Наталья решительно встала. Маленький ветерок поймал падающий песок и пыль и отнес их к шоссе. Ричард посмотрел наверх, за силуэтом Натальи светило закатное солнце, он вновь почувствовал легкое веяние ее духов, однако на этот раз его пересилило болезненное сочувствие, чувство краха. *Для нее будет трудно на какое-то время сойти с пути и искать.*

Виктория встала, встряхнула кофточку и накинула ее на плечи. Она по-прежнему колебалась, но в конце концов заговорила.

– Признайте свою эгоистичную жажду быть успешной и знаменитой. Или вы это сможете, или наступит быстрый конец.

– А вы? – обернулась Наталья к Ричарду. – Ничего мне не скажете?

– Простите себе свой эгоизм и не теряйте надежды, что бы ни случилось. Так вам будет легче умирать.

Наталья с изумлением посмотрела на него:

– Откуда вы знаете, что я думаю о смерти?

– **Человек, который думает о своей смерти, готов меняться, замечает кратковременность мира, сосредотачивается на существенных для его жизни вещах.** Многих людей удерживает в жизни лишь ненависть к себе и другим. Их душа прикована, и смерть не настанет вовремя, – тихо ответила Виктория вместо Ричарда.

– Значит, смертью все не заканчивается?

Виктория рассмеялась и заразила смехом Ричарда и Наталью.

– А как могло бы? Вечер за вечером вы думаете об отце и ваших отношениях. Перестаньте бояться и попросите его, чтобы он вас простил.

– Вы поможете мне, если у меня не получится?

– Я отслужу литургию, пожертвую для вас свое время в мыслях и энергию, чтобы вы вновь нашли путь к свету, – сказал Ричард.

– Не знаю, было ли это случайностью или судьбой, что мы встретились, но я вам верю, – сказала Наталья и обняла сначала Викторию, а потом и Ричарда. Она развернулась и, босая, с туфлями в руках, пошла по направлению к Яффе. Пройдя метров десять, она обернулась и помахала им.

– Ричард, ваши рыжие звуки восхитительны. Я бы так хотела быть ими. Возможно, когда-нибудь в другой жизни. Если вы хотите знать больше, спросите Викторию.

Ричард вопросительно посмотрел на Викторию, однако та сделала вид, что ничего не слышала.

ЖАЖДА МОРАЛИ

Кому нужна мораль?

Тем, кто поддается общественной лени, уступает каждодневной серости, равнодушию, самовольному отчуждению и жизни в забвении.

ВИКТОРИЯ, РИЧАРД И МОРАЛЬ

Бюрократия – это инструмент власть имущих с любезного содействия равнодушных, неспособных, обиженных и ленивых.

Виктория и Ричард шагали по берегу, длинные волны периодически заливали их ступни. Солнце медленно склонялось к горизонту и становилось оранжевого цвета, начинался прилив, и снова поднимались волны.

Ричард все время чувствовал огонь Натальи и необычную гармонию их судеб. *Когда-то все казалось таким легким и простым – работа, развлечения, еда, занятия любовью, друзья. Вся эта бесконечная жизнь впереди и такая далекая смерть. Но сейчас? Чем мне нужно наполнить свою жизнь, чтобы она была настоящей, исключительной? Могу ли я повлиять на нечто существенное, или все это стечение обстоятельств и случайностей? Я должен быть хорошим или плохим, чтобы познать самого себя? Почему жажда зла манит меня все больше и больше? Наверное, она больше предлагает? Может быть, и нет, но она предлагает быстро!*

Виктория, как будто бы почувствовав, о чем он думал, сказала:

– **Случайность – это возможность найти свое будущее.**

– Я не понимаю.

– Где-то в нас находятся затоптанные желания, но подсознание знает о них и предлагает возможности, которые приближают нас к ним. Только возможности показывают, что в нас и чем мы готовы пожертвовать ради своих желаний. Наталья пожертвовала собой и всем вокруг. Ее жажде можно позавидовать.

– Виктория, почему вы постоянно вызываете ненависть!

– Видите? Это ваша интерпретация! При этом я считаю вас носителем света.

– Кем?

– Человеком, который раздает веру.

– Что? Ведь я даже не верю в бога.

– Все тот же наивный, эгоцентричный молодой человек, а при этом наделенный таким даром. Вы глупец! Ведь тот, кто бессознательно раздает то, о чем и сам не знает, и есть настоящий даритель. Никто от него этого не ждет, поэтому легко принимает. Лишь искренние подарки принимаются полностью и с радостью, ибо они не требуют благодарности. – Виктория немного прикрыла глаза, глубоко выдохнула и продолжила: – И в то время как вы невольно раздаете веру, я – ненависть.

– Подождите... – Ричард хотел прервать ее.

– Не перебивайте меня. Я была с ней строга, даже жестока – при этом, собственно, я говорила это сама себе. Жажда книг, литературы тоже привела меня на край. Мы так похожи.

– Я начинаю понимать, что случайность – это нечто похожее на выбор пути. Ваши решения похожи. Каким, в сущности, было ваше детство?

Виктория безучастно улыбнулась.

– Хватило, когда мама сказала: «Вика, разве ты глупенькая, не понимаешь то, что знают все остальные?» Я любила порядок, планировала все до мельчайших подробностей, хотела жить в идеальном мире – точно так, как хочет этого бездуховное общество: жить в «коробках», соблюдать бюрократические законы и правила, стереть мечты о свободной воле и беспрерывно жаждать фальшивой похвалы от остальных.

– Некоторые люди обожают идеальный порядок. – Ричарду вспомнились несколько месяцев совместной жизни с утонченной девушкой. Виктория непонимающе повернула голову и вопросительно подняла брови.

– Расскажу вам об одной серьезной связи и маленькой смелости разорвать ее.

Она была ведущей на незначительной радиостанции. Ее звали Андреа, и она считалась образованной и воспитанной. Утро за утром она уничтожала меня своим литературным, серым, плаксивым голосом и хвастовством о том, как полезно питается, каждый день бегают со своими лабрадорами, поддерживает разумные вещи, развивается, посещает изысканные концерты и театры, ненавидит бесцеремонность, грубость, якобы понимает шутки и мальчишеские глупости, но все имеет свои границы. Ее жизнь была для нее одним большим общественным мероприятием. Она без конца следила за собой и оценивала себя глазами других.

Похожим образом она справлялась со своими эмоциями – все должно было быть ясно и однозначно: смеялась, когда ей хотелось смеяться, была серьезна, когда тема была серьезной, и злилась, когда этого от нее ждали.

– Риша, пожалуйста, я не могу опоздать в студию. – Ее подчеркнутое «пожалуйста» разбудило меня.

– Удачи! – закричал я как можно веселее и добавил про себя: «И не буди меня».

– Ведь мы пообещали друг другу, что завтрак будет совместный, пожалуйста, почисти зубы и приходи на кухню. Твой завтрак готов, я тебя жду.

– Не обещали мы ничего, – бесился я тихонько, встал и пошел в ванную. С чувством странного насилия я почистил зубы, умыл лицо и вошел в кухню.

– Риша, ты серьезно? Ты ведь не будешь завтракать со мной в трусах. Я ни к чему тебя не принуждаю, но существуют определенные правила, которые необходимо соблюдать. Возможно, тебе кажется, что я тебя поучаю, но поверь мне, я делаю это ради наших отношений. Если двое живут вместе, они должны установить общую культуру и сохранять ее.

Я сподобился на убогое «прости» и послушно надел не только штаны, но и носки. Если скажет: «Видишь, это возможно», тресну ей по голове, подготовился я.

– Невероятно, – произнесла она с пафосом немного в нос и одобрительно улыбнулась.

Я кисло впился зубами в «здоровый» тыквенный хлеб. Оба больших лабрадора запрыгнули на специально приспособленные стулья и воспитанно чмокали гранулами. Я казался себе одним из них.

Моя юношеская уверенность в себе быстро исчезала, и процесс превращения в подкаблучника успешно продолжался. Я не смог сбежать, говорил себе, что, собственно, восхищаюсь ею – она образцово исполняла все нормы, идеальные представления о поведении взрослой женщины. Не было в чем ее упрекнуть. Она была для меня «сверхчеловеком», который управляет своими эмоциями, никакого накала, злости, расстройства. Когда она проявляла энтузиазм, она говорила о необходимости здорового секса, это звучало, примерно как если вы сидите в известном пивном ресторане, около вас висят плакаты улыбающихся любителей пива, праздника вкуса и крепости, вы с нетерпением ждете, а вам приносят выдохшееся и теплое пойло. Бр-р-р! Мне до сих пор становится плохо, когда я об этом думаю.

Спустя три месяца мучений и уничтоженного мужского эго ее «перфекционизм» в постели довел мою эрекцию до нуля и надолго заморозил суицидность эротики. Я впал в депрессию и страдал самоистязанием, я чувствовал себя мерзавцем, который и в подметки ей не годится, постоянно извинялся и говорил спасибо, что она способна выдерживать меня. Я не знал, как быть дальше, Андреа манипулировала мной. Она подбадривала меня, хвалила за каждую правильно выполненную работу, мнение, мысль. Она без конца повторяла, насколько верит в меня, в то, что я стану равноценным ей партнером. Я не знал, что она под этим подразумевает, но не хотел ее разочаровать.

Однажды утром, как обычно, был стандартный «воспитательный» завтрак. Я был научен ходить за малой нуждой как девушка, так как наш туалет путал с писсуаром и моя моча брызгала на стульчак и пол, что было негигиенично и плодило бактерии. Но у меня все еще была большая самостоятельность, чем у собак, которым она после каждого мочеиспускания вытирала гениталии туалетной бумагой. Как только Андреа ушла из дому, я, как маленький

мальчик, побежал в туалет и описал не только стульчак и пол, но и ее зубную щетку, мыло, короче говоря, все, что мне попало под руку. Через полчаса во мне взвырвала совесть, я все послушно вымыл, удрученно сел в машину и постарался найти ободряющую радиостанцию. В этот момент из радио зазвучал ее бархатный назойливый голос. Она как раз дочитывала конец письма от одной слушательницы: «Андрейка, вы так совершенна и чиста, я всегда с нетерпением жду вашего ободрения и желаю вам много-много счастья».

Мне хотелось блевать. Что-то во мне переломилось. Меня охватило желание схватить эту выцветшую, тощую, выдохшуюся курицу за шею и швырнуть на землю. Но сразу после этого мне стало нехорошо от мысли, что ее реакцией на это будет что-то вроде: «Это грустно, когда с собственным разочарованием и завистью к успеху другого справляешься таким способом...» Я развернул машину и быстро возвратился в квартиру, в эйфории собрал свои вещи – к счастью, все они были красиво сложены на двух выделенных полках – и убежал, как будто через границу. Спустя несколько километров мне стало плохо, но, несмотря на сильное желудочное недомогание, я продолжал ехать. Всю неделю я боялся любого звонка, не знал, что бы ответил, наверное, вернулся бы. Ее идеология совершенства практически отняла у меня дееспособность.

Через несколько месяцев мы случайно встретились, она держалась за руки с высоким мужчиной. Он был неопрятен, сзади у него торчали жирные поседевшие волосы, высокий ровный лоб, продолговатые глаза и большие скулы напоминали смесь азиата с индийцем.

– Привет, Ричард, это Алан.

Остановку сердца спустя первые пять секунд сменила осторожная эйфория. Опять свободен! Все время я боялся, что она найдет меня и разумными аргументами приведет обратно к себе. Когда вы под таким давлением, вы не способны освободиться, найти отвагу, решиться и уйти. Я чувствовал себя испуганным пуделем, а что, если она нас обоих убедит, что мы можем жить втроем?

– П-п-привет, – заикался я и искал повод сбежать.

– Ричард, я хочу с тобой поговорить. Алан, оставь нас на час, ладно?

В то время как Алан радостно улыбнулся тому, что получил «вольную», мои желудочные соки оказались в горле. Мы присели в ресторане на улице, я боялся что-либо сказать, чтобы не облажаться, в итоге заговорила Андреа.

– Я росла лишь с мамой и ее подругой, которая была директором в моей школе. Они обо всем договорились насчет меня и решили сделать из меня образцового человека. Я обязана была везде быть лучшей, пятерки в школе, чтение на школьных мероприятиях, гимнастика, игра на флейте, драматический кружок, языки. Никто в классе меня не любил, а я хотела спокойствия дома и в школе. Это залезет человеку глубоко под кожу. Необходимость быть на виду, быть успешной, изумляющей превратилась в зависимость. Я грезилась о большой карьере политика, менеджера, предпринимателя – все равно что, главное, что я буду «там, наверху». Когда я стала ведущей, люди писали мне, какая я чистая, красивая, совершенная, и мне это невероятно нравилось. Я была для них образцом. Я растворилась в этом, и ты был первым, кто от этого пострадал. Если можешь, прости меня. Я любила только свое совершенство, ты не был для меня даже на уровне моих собак.

– Как, как случилось, что ты внезапно все увидела с другой стороны? – заикался я и ни минуты не сожалел, что ее псы для нее значили больше.

– Алан вытащил меня из этого. Мы должны были вместе вести одну передачу – он пришел в студию и все утро слушал, как я провожу эфир. Я старалась показать себя, быть еще совершеннее, чем когда бы то ни было. Когда спустя три часа я абсолютно без сил закончила, я спросила с виду небрежно: «Так что, как тебе?» – и само собой, я ожидала восхваление своих комментаторских способностей, таланта, харизмы. Он сказал лишь: «Самонадеянная дура, ничего настолько отвратительно бесчеловечного, неличного я уже давно не видел. Это

настолько ужасно, что мне было стыдно за всех комментаторов, и я был зол, что кто-то подобный вообще позволяет себе каркать своим менторско-склизким голосом на радио». Установилась гнетущая тишина. Он сказал мне то, что я все время чувствовала, – моя внешняя наигранная самоуверенность на мгновение развалилась, в то время как внутри все смеялось и постоянно повторяло: дура, дура, дура, ха-ха. Алан пару минут смотрел на меня, несколько раз, не веря, покачал головой и разразился хохотом: «Если обещаешь мне, что ничего не поменяешь в своем репертуаре, мы вместе будем самым сенсационным радиодуэтом». Ошарашенная и оскорбленная до глубины души, я была неспособна выдавить из себя ни единого приличного слова, я не смогла найти подходящую фразу, которой бы его поджарила. Я вцепилась в символический поцелуй, чтобы его одолеть, продемонстрировать свое презрение, но он ответил мне хорошей пощечиной, я даже закачалась. Я таранилась на него, у меня кончились все аргументы и единственное, что у меня получилось, был визг: «Крети-и-и-и-и-и-и!» Он радостно рассмеялся и, довольный, отметил: «Ого, в тебе есть и настоящие эмоции. Слушай, либо ты смиришься, либо мне на тебя плевать, и можешь забальзамировать себя и выложиться в музее».

У меня во второй раз почти остановилось дыхание, я бы никогда не смог такое сказать. Однако Андреа, взглянув на меня, начала улыбаться.

– Быть со мной, наверное, было ужасным мучением, – пожалела она меня, протянула руку и впервые нежно и по-человечески погладила. – Иногда я пытаюсь повернуть это с Аланом, но, к счастью, он всегда посылает меня куда подальше, а если не отстану, хлопнет рукой по столу, и я успокоюсь.

– Я бы никогда не смог.

– Все, что я делала с тобой, было расчетом, корыстолюбием, чтобы выдавить из тебя то, что хочу слышать, и ты оказался там, где хочу я, – точно как моя мать и ее подруга поступали со мной.

– И я не был достаточно сильным, чтобы съездить тебе по физиономии, – немного сурово сказал я.

– Я была кем-то вроде надменной принцессы, которой нужно избавиться от чувства совершенства, а у тебя не было такой мужской бестактности, чтобы вытаскивать из меня это чувство.

Ричард с любопытством взглянул на Викторию.

– Сейчас вы ждете от меня признания, что я лишь престарелая принцесса, которая ожидает, когда кто-то развеет ее заблуждения и скажет, что она не молодая и красивая, даже не симпатичная, а озлобленная и раздраженная, – со смехом сказала Виктория. – Рассказывать о собственном поведении, которого человек обычно стыдится, – это победа. За это мне придется вас наказать.

– Наказать?

– Само собой! Слабость – лучший путь, как сделать себя лучше. Наказание – это что-то вроде наставления, благодаря нему человек быстрее преодолевает слабость.

– Все же у вас есть что-то общее с Андреа.

– Имеете в виду любовь к порядку или мстительность?

– Это одно и то же, – покорно махнул рукой Ричард. Однако вслед за этим он вновь увидел перед собой Софию, которая говорила ему: «Ричард, однажды ты найдешь меня», и в его душе поселилась радость.

– Хорошо, в этот раз вы победили, – подколот собеседницу Ричард. В этот момент он совершил нечто неожиданное – обнял Викторию. – С каждым мгновением с вами все больше и больше понимаю сам себя, свою жизнь – постоянно учусь, обнаруживаю, а вы открываете мне бесконечный простор познания и воображения. Я кажусь себе ребенком, пассивным, заскучав-

шим от бесконечного выбора забав и развлечений, которому кто-то сказал: иди, открой дверь, там тебя ждут свет и твоя настоящая жизнь.

Виктория замахала руками, забежала по колено в море и в платье села в воду. В ее беге, жестах, Ричард увидел нечто знакомое, близкое. Однако он не мог распознать, что именно. Он сел рядом с ней. Маленькие волны легонько приподнимали и качали их тела туда-сюда. Солнце скрылось за небольшое облачко и на несколько минут перестало палить. Он вспомнил короткую строфу стихотворения. Повернулся к Виктории.

– Я могу вам прочитать короткое стихотворение? Не знаю почему, но сейчас мне вспомнилось. – Виктория радостно кивнула и запрокинула голову назад.

*Я бы хотел ласкать море,
Я бы хотел солнце греть,
Вернуть женщине красоту девушки,
А в себе найти жажду,
Которая удивит и смерть.*

– Немного простовато, на мой вкус слишком поверхностно, но в моем возрасте такое хорошо слушается. Пришло время открыть вам следующую дверь. Возможно, простите меня.

ВИКТОРИЯ, РИЧАРД И ИНСТИТУТ

Зависть посредственных – как чесотка, которая зудит все больше и больше, что уже невозможно терпеть.

Виктория с любопытством посмотрела на Ричарда, как будто хотела рассказать ему что-то тайное, но все еще не была уверена, настал ли тот нужный момент. Нечто мешало ей, поэтому она вновь выбрала определенный компромисс.

– Я любила истории и студентов, которые их со мной разделяли. Но институт перестал быть местом, где рассказываются истории и появляются жизненные позиции. Преподаватель утратил статус значимости, исключительности и единичности. Такой преподаватель для облепившегося общества является беспокойным элементом, который привносит в систему высокую вероятность отклонения. Ширма демократии полна фальши, воздушных замков, иллюзий о неизменности, постоянстве, регулярности. Как будто рутина и посредственность были самым большим гарантом нашего благополучия: с утра в школу, на работу, в контору, пять дней в неделю, по выходным быстро на дачу, отдыхать, есть, пить, покосить траву в саду и в понедельник опять: дети в школу, мы на работу, зимой в горы, летом на море, на велосипед, на дачу... жизнь идет, кажется бесконечной, но сущность ускользает. Люди укрепляются во мнении, что они счастливы, довольны, а пока видят вокруг себя похожее, им кажется, что это свойственно человеку: ведь именно такая она, реальная жизнь!

Если поблизости появится некто, кто отличается и угрожает их спокойствию, они бросаются в бой: клеветают, доносят, критикуют. Их обеспокоенность понятна, а что, если окажется, что они не жили ту самую «правильную» жизнь. Ни за что на свете они не хотят допустить своего разочарования, а тем более промашки. – Виктория сделала патетическую паузу, и Ричард вновь неожиданно заметил русскую театральность.

Я вошла в здание университета и почувствовала странное спокойствие. Все вокруг было намного ярче, чем в последний раз.

– *Здравствуйте, профессор, – вежливо поприветствовал меня вахтер, однако выражение его лица не было, как обычно, веселым, скорее печальным – да, в последнее время его беспокоил тазобедренный сустав, когда-то он активно играл в волейбол, очевидно, из-за этого у него были порядком изношены суставы.*

Я поднималась по ступеням в свой кабинет. Шестнадцатилетний юноша, влюбленный в девушку постарше, девушка, напуганная из-за плохо подготовленного задания, двое ребят, которые ждут не дождутся вечернего футбола... ничего особенного. Я выключила фантазию, зашла в кабинет и поприветствовала коллегу.

– *Добрый день, Лесан.*

– *Привет, Виктория, тебе нужно зайти к директору.*

А вот и оно, подумала я. Взглянула ей в глаза – очевидно, она знала, в чем дело, но не хотела быть носителем плохих новостей. Я простила Лесану и отправилась на пятый этаж. Почему все, кто хочет что-то значить, должны сидеть на самых верхних этажах, весело размышляла я, и незаметно мне стало легче. Я открыла дверь директорской.

– *Добрый день, Виктория, проходите.*

– *Добрый день, Анна Николаевна.*

Директор что-то поискала на заваленном столе, вытащила один лист, встала и переместилась в кресло. Обычно она так не делала, она была автократичной, задания и приказы раздавала прямо. Значит, вопрос был серьезный. Она положила передо мной бумагу и резко велела: «Читайте».

Замызанное, смятое письмо, напечатанное на машинке. Я посмотрела вниз – оно было не подписано. Анонимка. Не перед кем извиниться, объяснить, защититься. Я чувствовала себя абсолютно мертвым человеком, у которого уже нет шансов к сопротивлению. Кровь прилиwała мне в голову.

Анонимка – это худший способ клеветы, проявление низости и подлости. Она каждому свернет шею, это удар, на который человек не может реагировать, дать отпор.

Анонимка – это толпа, она лишает виновника ответственности, прикрывает трусость индивидуума, позволяет спрятаться за общественное мнение и превращает жизнь таких людей в одно большое оправдание.

Но общество это ценит – как иначе вытасчить правду в общество, как иначе растворить личные, интимные вещи, кроме как на позорном столбе общественных норм? Мои дни в этом университете скоро закончатся. Все это пронеслось у меня в голове за несколько секунд, потом я медленно прочла текст, полный сильных оборотов.

Уважаемый директор,

мое почитание и уважение социальных ценностей заставили меня написать. Я независлива и не клеветцу. Виктория Григорьевна Арутицунян учит глупостям и забивает детям голову имперскими убеждениями. Знания, как она считает, неважны. Университет, по ее мнению, должен обучать самостоятельному мышлению, развитию личности, созданию собственных взглядов на мир, жизнь и подобная болтовня. Дескать, самым главным является познание самого себя! Вы согласны, что это чушь?

Во времена исполнения социалистических обязанностей, когда мы стремимся и стараемся, чтобы люди работали и жили для всех, сдвинули уровень социалистического строительства нашей Родины, привлекли массы в общественный процесс и созидательным способом выполнили план пятилетки, такое обучение является подрывом нашего общества! Пожалуйста, посмотрите на последние постановления съезда!

Кроме того, Ваша Виктория Григорьевна организует у себя дома тайные встречи с некоторыми студентами и вбивает им в головы антисоциалистическую пропаганду и каких-то мертвых Сократа и Аристотеля!

Но хуже всего то, что она зачитывает им запрещенные книги мерзавцев диссидентов и других продажных писак и антисоциалистическую чушь собственной дочери.

Я требую быстро привести все в порядок, иначе последствия коснутся и Вас, как вышестоящего лица, понимаете?

Сознательная гражданка

– Что вы на это скажете? – спросила меня директор.

– За грамматику – пять, за содержание – три? Конечно, способность к обучению очевидна – везде, где автор выражает свои политические взгляды, все на уровне и практически без ошибок.

– Виктория, что мне делать, ради бога, что нам делать! Вы знаете, кто это написал?

– Кто-то заинтересованный?

– Жена министра, вы преподаете ее дочери!

– Понимаю, я должна написать заявление об уходе?

– Как можно скорее: если я вас уволю за подстрекательство, вы нигде не найдете работу.

– Благодарю вас, Анна Николаевна.

– Боже мой, Виктория, мне очень жаль.

– Я не знала, что вы настолько верующая.

– В смысле? Это не шутки! У меня есть для вас работа в маленьком городе, моя подруга там директорствует, там вас никто не будет искать. Ах, боже, время сейчас такое чудное.

– Вы так любезны со мной, почему?

– Я не знаю лучшего учителя литературы, студенты вас обожают и восхищаются вами, ваша слава велика. Вас выгнала зависть. Откуда это все только берется...

– Поэтому вы меня никогда не хвалили? Поэтому у меня такая маленькая зарплата?

– Я не могла, – опустошенно сказала директор, залезла в ящик стола и вытащила пачку писем, перетянутых резинкой. – Анонимки на вас приходят постоянно, но с этой мне не справиться. – Она села назад в кресло и расплакалась. – Виктория, вы даже не знаете, что у вас училась моя племянница. Я вам так благодарна за нее. Вы изменили ее жизнь, она хочет быть как вы – сильной, независимой.

Я вышла из директорской и впервые осознала, что значит случайность. Случайность – это состояние, которое подготовило для меня возможность, даже сунуло мне ее прямо под нос. Все вещи, которые нам кажутся плохими и судьбоносными, по сути, не что иное, как возможности. Таким образом, человек может оставаться победителем всегда, даже не побеждая кого-то другого.

Виктория перестала рассказывать и обеими руками пригладила собранные волосы.

– Я никогда до этого не принимала близко к сердцу, что хорошо умею учить, но тогда в директорской я впервые поняла, что моя миссия в чем-то другом.

– Если бы товарищ жена министра знала, какую службу вам сослужила, сожрала бы себя от собственной зависти, – сказал Ричард.

– Возможно, а вы что из этого почерпнули?

– Наверное, то, что вы вышли из той ситуации победителем, – с удивлением отреагировал Ричард.

– Какой вы самовлюбленный! Вам кажется, что в этой истории вы в роли учителя, – сделала ему выговор Виктория. – В каждый момент можно избежать навязываемой роли, не играть то, что ожидается и предполагается. Но это так тяжело. – Виктория уселась на мокрый песок и закрыла лицо руками. – Легко осуждать, ненавидеть, не переносить.

– Нет, Виктория, я не чувствую себя учителем – я ищу свой путь, вы его нашли в самый тяжелый момент. Вы сумели быть смиренной, хотя против вас все вступило в заговор, вы не стали мечтать о мести, вы уклонились от системы и использовали случайность. Ситуация, в которой «средний» человек защищает свои убеждения, утверждает в своих стереотипах, бесконечно боится, стала для вас приключением, возможностью, обучением, как лучше справиться с душевным равновесием, прожить действие и его участников. – Он с уважением посмотрел в глаза Виктории. – Решение, используем ли мы возможность или позволим ей пройти мимо нас, изначально отводит нам роль победителя. **Когда мы играем в свою игру, мы не можем проиграть.**⁸ Этому меня научили вы. – Ричарду внезапно пришел в голову вопрос: – А какие правила игры установлены для меня? У меня есть право их изменить?

Виктория глубоко вздохнула.

– Джон – это проводник, который потерял веру в себя и с вами вновь обрел ее.

– Проводник?

– Каждый человек может стать сознательным проводником собственной жизни. Только некоторые выходят за рамки и могут быть проводниками других. Но иногда они переоценивают свои силы, у них появляется чувство безошибочности, определенного превосходства, и рано или поздно успех отворачивается от них.

⁸ Нассим Николас Талеб: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости», изд. «Колибри», 2009: «В игре, правила которой определяете вы сами, тяжело проиграть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.